

РУССКАЯ АРМИЯ
ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ

БОИ НА КУБАНИ
И В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

Сергей Владимирович Волков
Русская Армия генерала
Врангеля. Бои на Кубани и
в Северной Таврии. Том 14
Серия «Белое движение
в России», книга 14

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69818707

*Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной
Таврии / Сост., науч. ред., предисл. и коммент, д.и.н. С. В. Волкова.:*

Центрполиграф; Москва; 2023

ISBN 978-5-227-10075-7

Аннотация

Книга представляет собой четырнадцатый том серии, посвященной Белому движению в России, и охватывает события первых месяцев истории Русской Армии после эвакуации из Новороссийска и Одессы в Крым части Вооруженных сил на Юге России (март – август 1920 г.).

В книге детально представлен сложный процесс передачи командования ВСЮР от генерала А.И. Деникина к генералу П.Н. Врангелю. Подробно описаны действия нового командования по воссозданию боеспособной армии и ее духа, переходу в

контрнаступление и проведению военных операций в Северной Таврии и на Кубани. Эти и последующие акции позволили белому воинству достойно завершить 3-летнюю Гражданскую войну и уйти в изгнание с гордо поднятой головой. «Слава побежденным!» – такими словами заканчивается один из фрагментов этой книги.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	9
Барон П. Врангель1	13
Смена власти	13
Первые дни	71
Перед наступлением	119
Вперед	137
В Северной Таврии	166
Конец ознакомительного фрагмента.	186

**Русская Армия генерала
Врангеля. Бои на Кубани
и в Северной Таврии
Составление, научная
редакция, предисловие и
комментарии д.и.н. Сергея
Владимировича Волкова**

Белое движение

Том 14

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023
© Художественное оформление серии, «Центрполи-

граф», 2023

© «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Четырнадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен созданию Русской Армии и ее первым боям весной – летом (до начала сентября) 1920 года.

После тяжелой Новороссийской эвакуации части Вооруженных сил на Юге России прибыли в Крым, где командование над ними 22 марта 1920 года было передано генералу барону П.Н. Врангелю, переименовавшему их 28 апреля 1919 года в Русскую Армию. Сразу после эвакуации Новороссийска и Одессы белые войска в Крыму в начале апреля 1920 года были сведены в три корпуса – Добровольческий, Крымский и Донской, Сводную кавалерийскую дивизию и Сводную Кубанскую казачью бригаду (в Крыму в начале 1920 года находилось около 3,5 тысячи человек и с Северного Кавказа было переброшено в общей сложности 35–40 тысяч).

Новым Главнокомандующим и его ближайшим окружением была проделана огромная работа по реорганизации деморализованных частей и воссозданию боеспособной армии, которая строилась теперь на сугубо регулярных началах. Все это приходилось делать в крайне неблагоприятных внешнеполитических условиях, когда английское правительство не только полностью отказалось от поддержки армии, но и предпринимало попытки заставить ее руководство пойти на переговоры с большевиками, а Францию удерживала от это-

го только боязнь распространения «мировой революции» на Польшу.

В результате реорганизации 28 апреля 1920 года армия приняла следующий вид: 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую дивизии; 2-й армейский генерала Я.А. Слащева – 13-ю и 34-ю пехотные дивизии (в состав обоих корпусов входили также кавалерийские части); Сводный генерала П.К. Писарева – Кубанскую и 3-ю конную дивизии; Донской генерала Ф.Ф. Абрамова – 2-ю и 3-ю Донские дивизии и Гвардейскую бригаду. 7 июля 1920 года на базе Сводного был создан Конный корпус генерала И.Г. Барбовича (1-я и 2-я дивизии), в 1-й корпус включили 6-ю пехотную дивизию, во 2-й – 2-ю Отдельную сводную конную бригаду. После мобилизации армия насчитывала к началу июня 25 тысяч штыков и сабель.

Уже в начале апреля было проведено две разведывательно-десантные операции: в районе Кирилловки под Геническим и у порта Хорлы, а в конце мая армия перешла в общее наступление и вышла из Крыма на просторы Северной Таврии. К концу июня была полностью уничтожена конная группа Жлобы, а в ходе июльского наступления от большевиков была очищена значительная территория вплоть до Александровска. В августе была проведена крупная десантная операция на Кубани (для нее под общим командованием генерала С.Г. Улагая были выделены 1-я и 2-я Кубанские каза-

чьи, Сводная дивизии, Терско-Астраханская бригада и ряд отдельных частей), предпринятая с далеко идущими целями (очищение от большевиков всей Кубани, а затем и Донской области), которых она, однако, не смогла достичь.

В настоящем издании собраны воспоминания о борьбе в рядах Русской Армии с марта по август 1920 года. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания (за небольшими исключениями) никогда в России не публиковались.

Том начинается воспоминаниями самого Главнокомандующего Русской Армией – барона П.Н. Врангеля, а дальнейшее его содержание разбито на 7 разделов. В 1-м разделе публикуются воспоминания участников борьбы в составе марковских частей, во 2-м – корниловских, в 3-м – дроздовских, в 4-м – алексеевских, в 5-м – офицеров прочих частей (в основном кавалерии и конной артиллерии), в 6-м – о действиях танковых и бронепоездных частей и в 7-м – материалы общего характера.

В большинстве случаев все публикации приводятся полностью (некоторые сокращения сделаны только за счет невоенной тематики). Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Поскольку во ВСЮР и Русской Армии принят был старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных, приводятся по старому стилю. Возможны разночтения в фамилиях участ-

ников событий и географических названиях; их правильное написание – в комментариях.

Барон П. Врангель¹

Воспоминания²

Смена власти

Утром 22 марта «Emperor of India» бросил якорь в Севастопольском рейде. Стоял чудный весенний день. В неподвижном море отражалось голубое небо, и, залитый лучами солнца, белел и сверкал раскинувшийся по высоким берегам бухты Севастополь. На набережной виднелись снующие по всем направлениям люди, бухту бороздили многочисленные ялики и челны... Жизнь, казалось, шла своей обычной чередой, и дикой представлялась мысль, что этот прекрасный город переживает последние дни, что, может быть, через несколько дней его zalьет кровавая волна и здесь будет справляться красная тризна.

К нам подошел катер под Андреевским флагом, и по трапу на палубу поднялся морской офицер. Он доложил, что прислан ко мне командующим флотом и что для меня отведено помещение на крейсере «Генерал Корнилов». Я приказал перевезти вещи на крейсер, а сам решил съехать на берег и прежде всего повидать председателя военного совета гене-

рала Абрама Михайловича Драгомирова³. По словам встретившего меня офицера, заседание совета должно было состояться в 12 часов дня в Большом дворце, занятом командующим флотом, где и находится генерал Драгомиров.

Первое знакомое лицо, встреченное мною при сходе на берег, был генерал Улагай⁴. Я не видел его с декабря прошлого года, в то время он лежал в Екатеринодаре, тяжело больной тифом. После своего выздоровления он в последние дни борьбы на Кубани командовал Кавказской армией, сменив генерала Шкуро⁵, удаления которого потребовала от генерала Деникина Кубанская рада. Расчет Ставки, усиленно выдвигавшей генерала Шкуро в надежде использовать его популярность среди казаков, оказался ошибочным.

Кавказская армия – кубанцы, терцы и часть донцов – не успев погрузиться, отходила вдоль Черноморского побережья по дороге на Сочи и Туапсе. За ними тянулось огромное число беженцев. По словам генерала Улагая, общее число кубанцев, в том числе и беженцев, доходило до сорока тысяч, донцов – до двадцати. Части были совершенно деморализованы, и о серьезном сопротивлении думать не приходилось. Отношение к «добровольцам» среди не только казаков, но и офицеров было резко враждебно: генерала Деникина и «добровольческие» полки упрекали в том, что, «захватив корабли, они бежали в Крым, бросив на произвол судьбы казаков». Казаки отходили по гористой, бедной местными средствами

территории; их преследовали слабые части конницы товарища Буденного, во много раз малочисленнее наших частей, но окрыленные победой. Большинство кубанских и донских обозов были брошены, запасов продовольствия на местах не было, и люди и лошади голодали. Ввиду ранней весны подножный корм отсутствовал, лошади ели прошлогодние листья и глодали древесную кору. Казаки отбирали последнее у населения, питались прошлогодней кукурузой и кониной.

Генерал Улагай оставил свою армию в районе Сочи. Заместителем своим он назначил генерала Шкуро, во главе донских частей оставался генерал Стариков⁶. Последние дни в Сочи среди членов Кубанской рады разногласия особенно усилились. Все громче раздавались голоса о необходимости вступить в переговоры с большевиками, другие предлагали просить о защите Грузию. Кубанский атаман генерал Букретов⁷ и председатель правительства инженер Иванис⁸ за несколько дней до отъезда генерала Улагая выехали в Крым.

На мой вопрос: «Неужели при таком превосходстве наших сил нет возможности рассчитывать хотя бы на частичный успех – вновь овладеть Новороссийском и тем обеспечить снабжение, а там, отдохнув и оправившись, постараться вырвать инициативу у противника...» – генерал Улагай безнадежно махнул рукой: «Какое там, казаки драться не будут. Полки совсем потеряли дух».

Мне стало ясно, что дело действительно безнадежно. Дух был потерян не только казаками, но и начальниками. На про-

должение борьбы казаками рассчитывать было нельзя.

В Крым переброшено было, включая тыл, около двадцати пяти тысяч добровольцев и до десяти тысяч донцов. Последние прибыли без лошадей и без оружия. Даже большая часть винтовок была при посадке брошена, казачьи полки были совершенно деморализованы. Настроение их было таково, что генерал Деникин, по соглашению с Донским атаманом генералом Богаевским⁹ и командующим Донской армией генералом Сидориным¹⁰, отказался от первоначального намерения поручить донским частям оборону Керченского пролива и побережья Азовского моря и решил немедленно грузить их на пароходы и перебросить в район Евпатории, отобрав от полков последнее оружие.

Добровольческие полки прибыли также в полном расстройстве. Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии и пулеметов. Люди были оборваны и озлоблены, в значительной степени вышли из повиновения начальников. При этих условиях и Добровольческий корпус боевой силы в настоящее время не представлял.

Фронт удерживался частями генерала Слащева¹¹, сведенными в Крымский корпус. Корпус состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей, зачастую еще в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей. При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков

и 2000 шашек. Общая численность противника на фронте генерала Слащева – 13-й советской армии – была до 6000 штыков и 3000 шашек. При этих условиях сил у генерала Слащева для обороны перешейков было достаточно, однако сборный состав его частей, их слабая подготовка и, отмеченное нашей разведкой, постоянное усиление противника заставляли считать наше положение далеко не устойчивым

Я застал генерала Драгомирова в Большом дворце. Через час должно было открыться заседание военного совета, и он спешил ознакомить меня в общих чертах с последними событиями.

Собранное накануне совещание оказалось чрезвычайно многочисленным. Несмотря на все усилия генерала Драгомирова, определенного решения добиться не удалось. Значительное число участников совещания решительно отказалось обсуждать вопрос о назначении преемника Главнокомандующего, считая недопустимым введение в армию принципа выборного начала и полагая, что преемник генерала Деникина должен быть назначен приказом последнего. Генерал Слащев, под предлогом необходимости его присутствия на фронте, от дальнейшего участия уклонился и выехал из Севастополя; с ним уехали и представители Крымского корпуса. После совещания генерал Драгомиров донес по аппарату в Феодосию, где оставался генерал Деникин, о результатах первого совещания и высказанном последним пожелании. Однако генерал Деникин решительно отказался от на-

значения себе преемника, подтвердив свое требование о выборе нового Главнокомандующего военным советом.

Со своей стороны я считал совершенно недопустимым выбор нового Главнокомандующего его будущими подчиненными и единственно правильным назначение такового самим генералом Деникиным. Я ознакомил генерала Драгомирова с привезенным мною ультиматумом англичан.

«По тем отрывочным сведениям, которые я имел в Константинополе и которые получил только что от генерала Улагая, и при условии лишения нас всякой помощи со стороны союзников, я не вижу возможности продолжать борьбу, — сказал я. — Я прибыл сюда потому, что не счел возможным не разделить с армией ее, быть может, последние часы, и, если судьба пошлет мне испытание стать во главе армии, я его приму. Однако я считаю, что при настоящих условиях генерал Деникин не имеет нравственного права оставить то дело, во главе которого он до сих пор стоял. Он должен довести это дело до конца и принять на себя ответственность за все, что произойдет». — «Решение Главнокомандующего уйти — окончательно. Я убежден, что он его не изменит», — ответил генерал Драгомиров. (20 марта генерал Деникин писал генералу Драгомирову: «Многоуважаемый Абрам Михайлович, три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое

призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование. Уважающий Вас А. Деникин».

Соседняя зала, где должно было происходить совещание, постепенно наполнялась народом. Оттуда доносился шум, говор, топот многочисленных ног. Вошедший с какими-то бумагами адъютант приотворил дверь, и я увидел значительную толпу в несколько десятков человек.

«Это не военный совет, ваше высокопревосходительство, а какой-то совдеп, – сказал я. – Я полагаю совершенно невозможным скрыть от военного совещания новые обстоятельства, в корне меняющие обстановку». Я указал на ноту англичан. «Новый Главнокомандующий, кто бы он ни был, должен с полной определенностью знать, что при этих условиях будут от него требовать его соратники, а последние – что может им обещать новый вождь. Все это невозможно обсуждать в таком многолюдном собрании, в значительной мере состоящем из мальчиков. Ведь некоторые из нынешних командиров полков в нормальное время были бы только поручиками. Я полагаю, что из состава совета должны быть удалены все лица младше командиров корпусов или равных им по власти».

Генерал Драгомиров со мной охотно согласился. Мы тут же по списку наметили состав этих лиц: председатель –

генерал от кавалерии Драгомиров, командующий флотом вице-адмирал Герасимов¹², Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский, командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин, начальник его штаба генерал-лейтенант Келчевский¹³, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов¹⁴, комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Турбин¹⁵, генерал-лейтенанты: Шатилов¹⁶, Боровский¹⁷, Покровский¹⁸, Юзефович¹⁹, Шиллинг²⁰, Кутепов²¹, Улагай, Ефимов²², Стогов²³, Топорков²⁴, начальник штаба Главнокомандующего генерал-майор Махров²⁵, начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Евдокимов²⁶ и я.

Генерал Драгомиров, отпустив прочих участников совещания, просил старших начальников перейти к нему в кабинет. Известие об ультиматуме англичан всех поразило. Значение его в полной мере учитывалось всеми, все были сумрачны и молчаливы. Генерал Драгомиров сообщил присутствующим, что генерал Деникин по-прежнему настаивает на выборе себе преемника. Однако все члены совета продолжали считать такой порядок разрешения вопроса недопустимым.

Председательствующий предложил следующий выход из положения: старшие начальники в частном совещании выскажут свои предположения и назовут лицо, которое, по их

мнению, может в настоящую минуту наиболее успешно выполнить возложенную на него задачу; генерал Драгомиров об этом сообщит генералу Деникину, доложив, что мнение участников совещания отнюдь не связывает Главнокомандующего в его решении, и еще раз предложит генералу Деникину приказом назначить себе преемника.

Я просил слова и вновь повторил сказанное уже генералу Драгомирову: в настоящих условиях я не вижу возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы. Ультиматум англичан отнимает последние надежды. Нам предстоит испить горькую чашу до дна. При этих условиях генерал Деникин не имеет права оставить армию. Мои слова были встречены гробовым молчанием. Мне стало ясно, что как самым генералом Деникиным, так и всеми присутствующими вопрос об оставлении Главнокомандующим своего поста уже предрешен.

«Если генерал Деникин все же оставит армию, – продолжал я, – и на одного из нас выпадет тяжкий крест, то прежде, чем принять этот крест, тот, кто его будет нести, должен знать, что от него ожидают те, кто ему этот крест вверил. Повторяю, я лично не представляю себе возможным для нового Главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать, – это сохранить честь вверенного армии русского знамени. Конечно, общая обстановка мне менее знакома, чем всем присутствующим, а потому я, быть может, преувеличиваю без-

выходность нашего положения. Я считаю совершенно необходимым ныне же выяснить этот вопрос».

Все молчали. Наконец генерал Махров стал говорить о том, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать, «пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия».

«Да, Петр Семенович, это так, – ответил генерал Шатилов, – если бы этот шанс был... Но по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде...» Генерал Махров не возражал.

Для меня не было сомнения, что выбор участников совещания остановится на мне. Жребий был брошен, я сказал все, и дальнейшее зависело не от меня. Сославшись на нездоровье, я просил генерала Драгомирова разрешения оставить совещание.

На душе было невыразимо тяжело. Хотелось быть одному, разобраться с мыслями. Я вышел из дворца и пошел бродить по городу, ища уединения. Я прошел на Исторический бульвар и долго ходил по пустынным аллеям. Тяжелое, гнетущее чувство не проходило. Мне стало казаться, что душевное равновесие не вернется, пока я не получу возможности поделиться с кем-либо всем, что мучило мою душу. Мне вспомнилось посещение мое, в бытность в Севастополе, епископа Севастопольского Вениамина. Это было накануне оставления мною родной земли. Я также тогда переживал тяжелые часы. Теплая, полная искренней задушевности бе-

седа с владыкой облегчила тогда мою душу. Я решил пройти к епископу Вениамину. Последний знал уже о моем приезде и, видимо, мне обрадовался.

«Вы хорошо сделали, что приехали сюда. Господь надомил вас. Это был ваш долг, — сказал он. — Я знаю, как тяжело вам, знаю, какой крест вы на себя берете. Но вы не имеете права от этого креста отказываться. Вы должны принести жертву родной вам армии и России. На вас указал промысел Божий устами тех людей, которые верят в вас и готовы вам вручить свою участь. Еще до вашего приезда, как только генерал Драгомиров собрал совет, к нему обратился, указывая на вас, целый ряд русских людей, духовенство православное, католическое и магометанское, целый ряд общественных организаций. Вот у меня копии с двух таких обращений».

Владыка, порывшись в лежащих на столе бумагах, передал мне две из них. Пока я читал, владыка вышел в соседнюю горницу, откуда вынес икону Божьей Матери, старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами. Он подошел ко мне: «Этой старинной иконой я решил благословить вас, когда вы прибудете сюда на ваш новый подвиг». Я преклонил колено. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело, и я, спокойно решившись покориться судьбе, вернулся в Большой дворец.

Совещание давно уже кончилось. Следующее заседание было назначено на 6 часов вечера. Старшие начальники еди-

ногласно указали на меня как на преемника генерала Деникина. Генерал Драгомиров сообщил Главнокомандующему о результатах сегодняшнего совещания.

Во дворец приезжал державший флаг на дредноуте «Emperor of India» адмирал Сеймур. Глубоко порядочный человек, тип английского джентльмена в лучшем смысле этого слова, он был положительно удручен новым политическим выступлением своего правительства. Он через несколько часов уходил в Феодосию.

Командующий флотом адмирал Герасимов предложил мне перекусить. На вопрос мой о тоннаже, запасах угля и масла, которыми мы могли бы обеспечить суда на случай необходимой эвакуации, я получил безнадежно неутешительный ответ. Тоннаж в портах Крыма достаточен, однако ни одно судно выйти в море не может. Не только нет запасов угля и масла, но и на кораблях ни угля, ни масла нет. Даже боевые суда нет возможности освещать электричеством. «Вы не поверите, – добавил адмирал Герасимов, – нам нечем даже развести пары на буксирах, чтобы вывести суда на рейд. Если, не дай бог, случится несчастье на фронте, никто не выйдет».

В 6 часов заседание совета старших начальников возобновилось под председательством генерала Драгомирова. Я передал присутствующим, что указание их на меня как на будущего преемника генерала Деникина мне известно, что оказываемое мне моими соратниками в эти грозные дни дове-

рие меня особенно обязывает перед самым собой и перед ними это доверие оправдать, что прежде, чем дать свое согласие, я должен быть уверен, что в силах выполнить то, что от меня ожидают, что, как я уже имел случай высказать, я не вправе обещать им победы, что в настоящих условиях мы на победу рассчитывать не можем. Я могу обещать лишь одно: не склонить знамени перед врагом, и если нам суждено будет погибнуть, то сохранить честь русского знамени до конца.

«Англичане решили выйти из игры, — сказал я. — Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки.

Никаких переговоров с большевиками с нашей стороны я, конечно, не допускаю. Мне представляется в настоящих условиях необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры. Переложить на них одиум переговоров, всячески затягивая таковые, а тем временем закрепить, привести армию и тыл в порядок и обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации... Если мои соображения разделяются, я прошу совет особым актом указать, какие задачи ставятся новому Главнокомандующему».

Я тут же предложил проект акта. Генерал Шатилов записал его под мою диктовку:

«На заседании старших начальников, выделенных из состава военного совета, собранного по приказанию Главнокомандующего в Севастополе 22 марта 1920 года для избрания заместителя генералу Деникину, председателем совета гене-

ралом от кавалерии Драгомировым было оглашено ультимативное сообщение британского правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы, с тем чтобы правительство Короля Великобритании обратилось бы с предложением к советскому правительству об амнистии населения Крыма и, в частности, войскам Юга России, причем в случае отказа генерала Деникина на это предложение британское правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую бы то ни было помощь.

При этих условиях совещание выразило желание просить Главнокомандующего о назначении его заместителем генерала Врангеля, с тем чтобы он, приняв на себя главное командование, путем сношения с союзниками добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков, и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от советского правительства».

«Я вправе надеяться, – в заключение сказал я, – что вы не откажетесь поставить ваши подписи под этим постановлением, ежели, конечно, его текст вас удовлетворит, и тем разделите со мной ту тяжкую ответственность, которую я принимаю по вашему желанию перед русскими людьми. Я отлично отдаю себе отчет, насколько эта ответственность тяжела, и потому прошу еще раз все это обдумать...»

Я оставил совет и вышел в соседнюю комнату. Прошло десять, пятнадцать, двадцать минут, обсуждение продолжалось. Изредка через дверь доносились до меня оживленные голоса; о чем-то спорили. Наконец дверь в кабинет отворилась. Вышел командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов.

– Ваше превосходительство, пройдите туда, без вас все равно ничего не решат.

– Как так, в чем дело?

Генерал Кутепов пожал плечами:

– Да вот. Все понимают, что другого решения нет, а поставить свою подпись не соглашаются.

– Кто же, собственно, не соглашается?

– Генерал Турбин и генерал Улагай.

Коменданта крепости генерала Турбина я почти не знал, зато смелого и благородного генерала Улагая знал отлично. В отсутствии гражданского мужества я его подозревать не мог. Причину с его стороны надо было искать в чем-то другом. Я прошел к совету.

«У вас, господа, по-видимому, возникли какие-то сомнения. Я считаю необходимым их выяснить, ибо то решение, которое мы примем, может иметь значение, лишь если оно будет единодушным».

Генерал Улагай стал возражать: против решения никто ничего не имеет. Однако он, Улагай, считает, что обуславливание моего согласия получением акта за подписью участ-

ников совета есть признак недостаточного доверия моего к своим сотрудникам, что ни один из них, конечно, от своих слов не откажется и в письменном подтверждении этих слов надобности нет.

«Я поражен, – сказал я, – слышать эти слова от генерала Улагая. Особенно от него. Мы, кажется, пережили немало вместе и не раз имели случай друг друга испытать. Я не допускаю и мысли о возможности между нами какого-то недоверия. Мне лично нет надобности в письменном подтверждении слов каждого из здесь присутствующих. Однако никто из нас не знает, что ожидает нас, быть может, в ближайшем будущем. Каждый из нас, а я тем более, должны будем дать ответ перед будущей Россией, перед русскими людьми, наконец, перед теми, кто нам дорог».

Генерал Улагай тотчас заявил, что он готов дать свою подпись. Генерал Турбин с своей стороны не возражал. Стали подходить к столу и подписывать.

Подписали: генерал от кавалерии Драгомиров, вице-адмирал Герасимов, генерал-лейтенант Богаевский, генерал-лейтенант Сидорин, генерал-лейтенант Келчевский, генерал-лейтенант Вязьмитинов, генерал-лейтенант Шатилов, генерал-лейтенант Турбин, генерал-лейтенант Боровский, генерал-лейтенант Покровский, генерал-лейтенант Топорков, генерал-лейтенант Юзефович, генерал-лейтенант Шиллинг, генерал-лейтенант Кутепов, генерал-лейтенант Ефимов, генерал-лейтенант Улагай, контр-адмирал Евдокимов,

генерал-лейтенант Стогов и генерал-майор Махров.

Последним подписал я: «Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего. Генерал-лейтенант барон П. Врангель. 22 марта 1920 года».

В то время как подписывался акт, генерал Драгомиров был вызван к аппарату генералом Деникиным. Последний спрашивался о том, известно ли мне новое политическое положение и постановление утреннего совещания. Получив утвердительный ответ, генерал Деникин сообщил, что им отдается приказ о назначении меня его преемником. Приказ этот гласил:

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2899

г. Феодосия. 22 марта 1920 года

1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.
2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон.

Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант *Деникин*».

Мы вышли в зал, где тем временем собрались все члены совещания. Генерал Драгомиров предоставил мне слово.

Я начал говорить и при первых же словах почувствовал, как спазмы сжимают мне горло. Меня глубоко растрогала оказанная мне всеми моими соратниками неподдельно трогательная и радостная встреча. Я ясно чувствовал, что среди безысходного горя, разбитых надежд, страданий и лишений они ищут во мне поддержку и опору. Привезенное мною известие наносило им новый удар.

Что ожидает их в ближайшем будущем? Что станет с теми, кто шел за нами, жертвуя личными интересами, здоровьем и самой жизнью во имя борьбы за свободу и счастье родины? Что станет с десятками тысяч русских людей, которые в слепом ужасе бежали сюда, на последний клочок русской земли, под защиту штыков армии?

Неужели напрасно принесено столько жертв, пролито столько крови и слез? Неужели бесследно будет вычеркнута из истории России светлая страница борьбы ее лучших сынов, борьбы среди смрада российского пожарища, потоков крови, развала и бесчестия родины? С трудом выдавливая фразы из горла, закончил я свою речь.

Я остался с генералом Драгомировым и генералом Шатиловым. Я решил немедленно ответить на ноту великобританского правительства и, приказав послать за начальником политической канцелярии управления иностранных сношений Б.А. Татищевым²⁷ (начальник управления иностранных сно-

шений А.А. Нератов²⁸ был болен), стал диктовать генералу Шатилову ответ англичанам. Татищев вскоре прибыл, и нота тут же была подписана мною.

«Телеграмма адмиралу де Робеку, в Константинополь, отправленная из Севастополя 22 марта (4 апреля) 1920 года.

Приказом генерала Деникина я назначен Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России и вступил в исполнение моих обязанностей. Категорическое требование Великобританского Правительства прекратить борьбу ставит мою армию в невозможность продолжать таковую. Возлагая на Великобританское Правительство всю нравственную ответственность за принятое им решение и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, я отдаю участь армии, флота и населения занятых нами областей, а также всех тех, кто участвовал с нами в настоящей борьбе, на справедливое решение Великобританского Правительства.

Я считаю, что долг чести тех, кто лишает своей помощи в самый решительный час армию Юга России, остававшуюся неизменно верной общему делу союзников, обязывает их принять все меры к обеспечению неприкосновенности армии, населения занятых областей, а также тех лиц, которые не пожелали бы вернуться в Россию, и, наконец, тех, кто боролся против большевиков и ныне томится в тюрьмах Советской России.

Я имею право требовать от моих подчиненных жертвовать

жизнью для спасения Отечества, но я не могу требовать от тех, кто считает для себя постыдным принять пощаду от врага, воспользоваться ею.

При этих условиях я нахожу необходимым, чтобы та возможность, которую Британское правительство предлагает Главнокомандующему и его главным сотрудникам, – найти приют вне России, – была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление своей Родины принятию пощады от врага.

Я готов согласиться на самые тяжелые условия для существования за границей этих лиц, чем обеспечилось бы, что этой возможностью воспользуются только те, кому совесть не допускает воспользоваться милостью врага.

Само собой разумеется, что во главе этих лиц я прошу считать меня самого.

Возможно быстрое разрешение вопроса о перемирии и его осуществление является необходимым.

Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь.

Для спокойного разрешения вопросов, связанных с прекращением военных действий и ликвидацией военных и гражданских учреждений, в связи с передачей Крыма Советскому Правительству, необходимо предоставить мне не менее двух месяцев, от дня завершения переговоров. В течение этого времени союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым.

Врангель».

Я собирался ехать на крейсер «Генерал Корнилов», когда мне передали принятую по аппарату телеграмму генерала Слащева; последний телеграфировал, что считает мое положение в Севастополе опасным и просит разрешения прибыть с бронепоездом и отрядом своих войск для моей охраны. Я приказал ответить, что в охране не нуждаюсь, прибытие бронепоезда и войск считаю излишним, лично же генерала Слащева всегда рад буду видеть. Поздно ночью я вернулся в отведенное мне помещение на борту «Генерала Корнилова».

Едва стало светать, как я уже проснулся, разбуженный непривычным шумом утренней уборки. Звенели цепи, трещали скребки, шумела выбрасываемая насосами вода, гулко отдавался в металлических переборках корабля тяжелый топот уборщиков... Сон не возвращался, докучливые, беспокойные мысли лезли в голову. Я встал, оделся и сел писать приказ войскам.

Что мог сказать я им, чем ободрить упавший дух? Наше тяжелое, по-видимому, безвыходное положение известно и офицерам, и солдатам. Не сегодня, так завтра им станет известна и измена наших союзников. Не дрогнут ли при этом новом ударе сердца тех, кто грудью своей прикрывает последнюю пядь родной земли? Войска знали, что я никогда не скрывал от них правды, и, зная это, верили мне. Я и теперь не мог сулить им несбыточные надежды. Я мог обещать

лишь выполнить свой долг и, дав пример, потребовать от них того же:

«ПРИКАЗ

Главного командующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2900

г. Севастополь. 22 марта 1920 года

Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен генералом Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения. Призываю верных сынов России напрячь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгоды, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье.

В этом залог нашего успеха. С верой в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-лейтенант барон *Врангель*».

Вошел генерал Шатилов. Он также почти не спал, просидев до поздней ночи с начальником штаба генералом Махровым. Он успел ознакомиться с главнейшими вопросами нашего общего положения.

Правительственного аппарата не существовало. С переходом в Крым «демократическое» правительство Мельникова пало, и бывшему начальнику финансового управления М.В. Бернацкому²⁹ было поручено генералом Деникиным составить новый «деловой» кабинет. За исключением М.В. Бернацкого, находившегося в Феодосии, и больного начальника управления иностранных сношений А.А. Нератова, все остальные начальники гражданских управлений и многие из ближайших их помощников разъехались. Во главе остатков громоздких управлений с огромным числом служащих, без помещений, с остатками растерянных и брошенных дел, остались второстепенные исполнители.

При упразднении и расформировании частей управлений и учреждений, по распоряжению генерала Деникина, всем оставшимся за штатом было обещано четырехмесячное содержание. Огромные суммы подлежали выдаче в качестве «эвакуационного» пособия.

Крошечный Крым, при полном отсутствии естественных богатств, должен был принять, кормить и оплачивать в течение многих месяцев и армии, и бесконечно разросшиеся тылы Вооруженных сил Юга России.

Неумелая финансовая политика, упорный отказ генерала Деникина от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств Юга России, несовершенство налогового аппарата приводили к тому, что вся финансовая система сводилась к печатанию денеж-

ных знаков. Однако новые и новые эмиссии не могли удовлетворить денежной потребности, беспрерывно возрастающей, по мере обесценивания денежных знаков бесконечными их выпусками. При отходе в Крым из четырех экспедиций заготовления государственных бумаг три были частью вывезены и бездействовали, частью погибли. Оставшаяся в Феодосии экспедиция не успевала печатать. С утерей нами всего Юга России и оставлением нас нашими союзниками и без того незначительные суммы, находящиеся в банках и на руках финансовых агентов Главного командования за границей, не могли считаться прочно обеспеченными от захвата многочисленными кредиторами.

На довольствии в армии состояло более 150 000 ртов, но из этого числа лишь около одной шестой могли почитаться боевым элементом, остальную часть составляли раненые, больные, инвалиды разных категорий, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, громадное число чинов резерва, в большинстве случаев престарелых, чинов многочисленных тыловых учреждений.

Крым местными средствами был беден, и в мирное время он жил за счет богатой Северной Таврии; теперь же с населением в значительной мере возросшим, с расстроеным долгими годами Германской и Гражданской войны хозяйственным аппаратом он не мог прокормить население и армию. В городах Южного побережья – Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи – благодаря трудному подвозу с севера хлеба уже

не хватало. Цены на хлеб беспрерывно росли. Не хватало совершенно и необходимых жиров. Не было угля, и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой.

Огромные запасы обмундирования и снаряжения были брошены на Юге России, и раздетую и в значительной части безоружную армию нечем было снабжать. Винтовок было в обрез, пулеметов и орудий не хватало, почти все танки, броневые машины и аэропланы были оставлены в руках противника. Немногие сохранившиеся боевые машины не могли быть использованы за полным отсутствием бензина. Огнестрелов, особенно артиллерийских снарядов, могло хватить лишь на короткое время.

Уцелевшие орудия нечем было запрячь. Конница осталась без лошадей, и единственная конная часть была 2-я конная дивизия генерала Морозова³⁰ (около 2000 пашек), входившая в состав отошедшего в Крым с севера сухим путем корпуса генерала Слащева. Кроме этого корпуса, все отошедшие в Крым войска лишились своих обозов. В бедном коневыми средствами Крыму недостаток конского состава не представлялось возможным пополнить, особенно при наступавшем времени весенних полевых работ.

Войска за многомесячное беспорядочное отступление вышли из рук начальников. Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей.

Развал достиг и верхов армии. Политиканствовали, ин-

триговали, разводили недостойные дразги и происки. Благодарная почва открывала широкое поле деятельности крупным и мелким авантюристам. Особенно шумели оставшиеся за бортом, снедаемые неудовлетворенным честолюбием выдвинувшиеся не по заслугам генералы: бывший командующий Кавказской армией генерал Покровский, генерал Боровский, сподвижник грабительского набега генерала Мамонтова³¹, его начальник штаба, генерал Постовский³². Вокруг них собиралась шайка всевозможных проходимцев, бывших чинов многочисленных контрразведок, секретного отдела Освага и т. п.

Среди высшего командования донцов также было неблагополучно. Генерал Сидорин и генерал Келчевский, окончательно порвав с «добровольцами», вели свою самостоятельную казачью политику, ища поддержки у «демократического» казачества.

Генерал Слащев, бывший полновластный властитель Крыма, с переходом Ставки в Феодосию оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым. Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низко-

пробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал Ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц.

Аппарат внутреннего управления был в полном расстройстве. Прodelав эволюцию от единоличной диктатуры до демократического правительства, при котором Главнокомандующий являлся лишь главою вооруженных сил, генерал Деникин спутал все карты в колоде своей политической игры.

Во главе гражданского управления в Крыму стоял таврический губернатор Перлик³³, недавно назначенный после оставившего этот пост Н.А. Татищева³⁴. Он бессилён был, при отсутствии твердых руководящих сверху указаний, управлять внутренней жизнью края.

Если этих твердых руководящих указаний не давалось за последнее время, то и раньше единая определенная внутренняя политика отсутствовала. Одновременно с гражданским управлением политика проводилась и политической частью штаба во главе со вторым генерал-квартирмейстером. Двойственность и, как следствие ее, «разнобой» при таком порядке вещей были неизбежны. Неудовлетворительный подбор

представителей власти на местах, при общем бессилии правительственного аппарата, еще более этот «разнобой» усиливал.

Отношение местного татарского населения было в общем благожелательно. Правда, татары неохотно шли в войска, всячески уклоняясь от призывов, но никаких враждебных проявлений со стороны населения до сего времени не наблюдалось. Настроение в городах, особенно портовых, с пришлым, в значительной степени промышленным населением, также в общем не внушало особенных тревог, хотя под влиянием работы эсеров, успевших проникнуть по новому демократическому закону в значительном количестве в местные городские самоуправления, среди рабочих портового завода в Севастополе уже имели место незначительные беспорядки. В штабе имелись сведения о готовящейся забастовке.

Ушедший в горы с некоторыми своими приспешниками капитан Орлов³⁵ присоединил к себе несколько десятков укрывавшихся в горных деревушках дезертиров. Он изредка появлялся на симферопольском шоссе, нападая на отдельных проезжающих и одиночных стражников. Однако на более крупные предприятия не решался. С отходом армии в Крым к нему бежали ищущие наживы, не брезгующие средствами проходимцы. Среди последних оказался и бывший личный адъютант генерала Май-Маевского³⁶ капитан Макаров³⁷. Имелись сведения, что большевистские агенты снаб-

жают отряды Орлова и Макарова оружием и деньгами.

Условия будущей работы представлялись безнадежно тяжелыми. Не только приходилось все строить заново, но и погашать старые обязательства. Генерал Шатилов успел пови-
дать и новых чинов штаба Главнокомандующего. С оставле-
нием генералом Романовским поста начальника штаба и ухо-
дом генерал-квартирмейстера генерала Плющевского-Плю-
щика³⁸, начальником штаба Главнокомандующего был на-
значен генерал Махров. Должность генерал-квартирмейсте-
ра занял полковник Коновалов³⁹. Делами второго гене-
рал-квартирмейстерства ведал полковник Дорман⁴⁰.

Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое вре-
мя состоял в Кавказской армии начальником военных сооб-
щений. Это был чрезвычайно способный, дельный и знаю-
щий офицер Генерального штаба. Ума быстрого и гибкого,
весьма живой. Он не прочь был поиграть «демократизмом». Либерализм начальника штаба в настоящее время являлся
в значительной мере отражением политических взглядов его
ближайших помощников, обоих генерал-квартирмейстеров.

Среди офицерства Ставки и высших чинов, настроенных,
в общем, право, либерализм начальника штаба и его бли-
жайших помощников вызывал большие нарекания. Их об-
виняли в «эсеровщине». Однако полковник Коновалов даже
его врагами признавался за выдающегося по способностям
офицера. Впоследствии я имел случай убедиться в справед-

ливости этого мнения. Полковник Дорман был также способный офицер. Дежурным генералом состоял генерал Трухачев⁴¹, занимавший эту должность с первых шагов Добровольческой армии, хорошо знающий свое дело. Я наметил в дальнейшем ограничить работу штаба исключительно военными вопросами, изъяв из ведения штаба вопросы политического характера.

Я считал, что всякие перемены личного состава, особенно в настоящие дни общего развала, были бы только вредны. Неизбежные перемены могли быть сделаны лишь постепенно более или менее безболезненно в порядке работы. Ввиду сложившихся за последнее время моих отношений с генералом Деникиным, я считал особенно необходимым возможно щепетильно относиться к тем его сотрудникам, которые ныне становились моими. Все эти соображения я высказал генералу Шатилову, прося его вместе с тем дружески переговорить с генералом Махровым, ознакомить его с моими соображениями и взглядами на дальнейшую ожидаемую мной от штаба работу.

В разговоре с генералом Махровым надлежало, в частности, затронуть вопрос и о той части работы штаба, касающейся внутренней разведки, которая, вероятно, перешла к нему после расформирования пресловутого Освага. Я подразумевал ту «информацию вверх», коей освещалась деятельность старших начальников, не исключая помощников Главнокомандующего. Я не мог допустить мысли о возможности

предательства моих ближайших сотрудников и всякую слежку за ними считал недостойной.

Предстоящая работа требовала огромного с моей стороны напряжения и личного участия как в тылу, так и на фронте. В настоящие трудные дни личное влияние вождя приобретало особое значение. Одной из крупных ошибок моего предшественника было постепенное полное прекращение общения с войсками. Я предложил генералу Шатилову должность моего помощника, с тем чтобы при поездках моих на фронт он мог бы меня заменять в Севастополе. Приказ о назначении генерала Шатилова помощником Главнокомандующего состоялся 24 марта.

Вскоре прибыл генерал Махров. Он привез известие об отъезде генерала Деникина с несколькими лицами его личного штаба из Феодосии в Константинополь. Генерал Деникин оставлял Крым на том же корабле, «Emperor of India», который привез меня.

Генерал Слащев телеграфировал, что будет сегодня в Севастополе.

Доклад генерала Махрова подтвердил мне те сведения, которые сообщил генерал Шатилов.

Общая стратегическая обстановка представлялась в следующем виде: отношения большевиков с поляками окончательно испортились, и со дня на день можно было ожидать возобновления борьбы на Польском фронте. Туда были переброшены освободившиеся после разгрома армии генера-

ла Деникина красные части, за исключением незначительного числа войск, оставленных для преследования окончательно деморализованных, потерявших всякую боеспособность, прижатых к Черному морю казаков.

На Крымском фронте против частей генерала Слащева действовала 13-я советская армия, общей численностью около 6000 штыков и 3000 шашек (число бойцов в передовой линии; общее число на фронте и в тылу в шесть-семь раз больше). В состав 13-й советской армии входили части эстонской пехотной дивизии, 46-й стрелковой, 8-й червонного казачества кавалерийской, 13-й кавалерийской бригады и ряд мелких отрядов: карательный китайский, заградительный, пограничный конный и т. д.; за последние дни к противнику подошла латышская пехотная и ожидалось прибытие 3-й стрелковой дивизии.

Позиция противника усиленно укреплялась и усиливалась артиллерией. Стратегический план красного командования, по-видимому, предусматривал крупные наступательные операции на Польском фронте, ограничиваясь на нашем фронте обороной.

Занятые нашими войсками позиции были весьма неудобны, так как делали чрезвычайно затруднительной активную оборону. В летнее время Сиваш в средней своей части мелел, и позиции легко обходились. Представлялось настоятельно необходимым выдвинуть часть позиций вперед, овладев выходами из Сальковского и Перекопского дефиле.

Генерал Махров предлагал воспользоваться для намеченной операции частью полков Добровольческого корпуса, наименее потерявших боеспособность, произведя на обоих флангах противника десанты и одновременно нанося удар с фронта и действуя десантными частями в тыл противника. Я предложил генералу Махрову детально разработать намеченную операцию, совместно с командующим флотом и одновременно снестись с нашей морской базой в Константинополе, дабы необходимый для десантных операций флота уголь был бы срочно доставлен. Я дал указания немедленно наметить будущую линию нашей обороны и произвести все расчеты по организации будущих работ по ее укреплению. Придавая исключительное значение укреплению северных выходов из Крыма, я предполагал поручить организацию и общее руководство работами бывшему моему начальнику штаба генералу Юзефовичу.

Одновременно должны были производиться работы для подготовки укреплений к северу от Севастополя с целью прикрыть порт и нашу главную базу.

Я дал указания немедленно принять самые решительные меры по учету, разбору и сохранению всех эвакуированных в Крым запасов, по оборудованию, где только возможно, необходимых мастерских и складов. Все дело снабжения как армии, так и городов Крыма я решил сосредоточить в одних руках, что одно давало возможность избежать излишних межведомственных трений и гарантировало наиболее пла-

номерное использование в общих интересах скудных местных средств. Главным начальником снабжения я решил назначить генерала Вильчевского⁴², бывшего начальника снабжения Кавказской армии, неподкупная честность, энергия и твердость которого мне были хорошо известны.

Бесчисленное количество войсковых частей необходимо было свести в более крупные соединения, сократить многочисленные штабы и усилить боеспособным элементом боевой состав полков, дать армии правильную организацию. Я наметил свести войска первоначально в три корпуса: корпус генерала Кутепова, главным образом бывшие части Добровольческого корпуса – Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии; корпус генерала Слащева, сведя бесконечные части, его составлявшие, в две пехотные дивизии – 13-ю и 34-ю, кадры которых входили в состав корпуса; донские части должны были составить Донской корпус. Регулярные конные части намечалось свести в шесть полков.

Готовясь к продолжению борьбы, я считал совершенно необходимым безотлагательно обеспечить армию на случай несчастья. Я предложил генералу Махрову немедленно разработать, совместно со штабом командующего флотом, план эвакуации, наметить те порты, куда войска должны были отходить и где они должны были грузиться, принять меры к сосредоточению в этих портах необходимого тоннажа, запасов угля и масла. До той поры, пока флот не был обеспечен углем и маслом, мы оставались под угрозой гибели.

Снабжение Крыма как топливом, так и всем прочим производилось через Константинополь. Там же пребывали верховные союзные комиссары, непосредственные руководители политики своих правительств на Ближнем Востоке и Юге России. Я просил генерала Шатилова безотлагательно проехать в Константинополь и совместно с нашим военным представителем наметить меры по обеспечению Крыма, хотя бы на первое время, необходимыми запасами.

Генерал Шатилов должен был повидать Великобританского верховного комиссара адмирала де Робека и командующего английским оккупационным корпусом генерала Мильна, с коими и вести переговоры в духе ноты моей в ответ на предъявленный мне ультиматум, всемерно стараясь не дать англичанам возможности «выйти из игры», втягивая их в переговоры с большевиками и по возможности выигрывая время. Генерал Шатилов решил выехать через день, 25 марта.

Прибыл генерал Слащев. После нашего последнего свидания он еще более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный отрывистый разговор производили тягостное впечатление. Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и высказал уверенность, что под защитой его войск я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл. Затем я ознакомил его с последними решениями военного совета. Генерал Слащев ответил, что с решением совета он полностью согласен, и просил верить, что

его части выполняют свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника. Я вкратце ознакомил его с намечаемой операцией по овладению выходами из Крыма. Затем генерал Слащев затронул вопросы общего характера. Он считал необходимым в ближайшие же дни широко оповестить войска и население о взглядах нового Главнокомандующего на вопросы внутренней и внешней политики.

Неопределенная за последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных нашему делу групп, окончательно сбила с толку всех. Необходимо было ясно и определенно дать ответ на наиболее жгучие вопросы, вырвать из рук наших врагов козыри их политической игры. Без этого нам не вдохнуть в войска утерянную веру в правоту нашего дела и не вернуть доверия населения. С этим нельзя было не согласиться.

Тут же генерал Слащев стал жаловаться на «левизну» начальника штаба и его ближайших помощников, на несоответствие целого ряда старших начальников добровольческих частей, которые якобы «совсем ненадежны», что его корпус, во главе с ним самим, единственно верные мне части и что он имеет сведения о том, что в Севастополе старшие чины Добровольческого корпуса «подготавливают переворот», чем и вызвана была его телеграмма накануне. Я поспешил прекратить разговор, предложив генералу Слащеву съехать со

мною на берег, чтобы повидать прибывших с ним людей его конвоя.

На Нахимовской площади был выстроен полуэскадрон. Я поздоровался с людьми, благодарил их за славную службу и объявил, что в ознаменование заслуг славных войск, отстоявших последнюю пядь родной земли, произвожу их начальника, генерала Слащева, в генерал-лейтенанты, а его начальника штаба – в генерал-майоры. Генерал Слащев отбыл на фронт, я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов», где принял депутации духовенства и общественных деятелей.

Депутации приветствовали меня в весьма теплых выражениях, высказав уверенность, что отныне русское знамя в твердых руках. Я благодарил, упомянув о том, что нравственная поддержка, оказываемая мне ими, особенно ценна в эти трудные дни. «Вы знаете наше положение, знаете то тяжелое наследство, которое досталось мне, и слышали уже, вероятно, о том новом ударе, который нанесен нам нашими недавними союзниками. При этих условиях с моей стороны было бы бесчестным обещать вам победу. Я могу обещать лишь с честью вывести вас из тяжелого положения», – закончил я.

После этого я беседовал с членами депутатий. Здесь также затрагивалось большинство тех вопросов, которые так больно переживались всеми: крестьянский, в связи с жгучим земельным вопросом, ставшим главным орудием пропаганды среди крестьянства врагов нашего дела, острый вопрос

об отношениях южнорусской власти к новым государственным образованиям, отношение Главного командования с казачьими правительствами, наконец, отношение к западноевропейским державам и, в частности, возможность при измене нашему делу Антанты опереться на Германию. Все эти вопросы весьма волновали общество и армию. Мои ответы встречены были, по-видимому, с большим удовлетворением, и собеседники мои настаивали на необходимости ознакомления с моими взглядами возможно более широких кругов населения.

При отъезде deputаций епископ Вениамин, бывший в числе присутствующих, просил разрешения остаться, желая иметь со мной особый разговор. Он обращал внимание мое на угрожающий упадок нравственности в армии. Междоусобная война со всеми ее ужасами извращала все нравственные понятия, грязнила душу. В то же время ничего не делалось для духовно-религиозного воспитания войск. Работы духовенства в войсках почти не было. Я не мог с этим не согласиться. Управляющий военным и морским духовенством, протопресвитер Шавельский⁴³, находясь безотлучно при Ставке Главнокомандующего, стоял лично, видимо, весьма далеко от войск. Войсковое духовенство сплошь и рядом было не на высоте. В связи с общей работой по возрождению армии я считал совершенно необходимым не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и проведение целого ряда мер для повышения нравствен-

ного уровня в войсках, в том числе и духовно-религиозного воспитания. Работа и в этом отношении предстояла большая, и во главе военного духовенства должен был быть поставлен человек исключительно деятельный. Мало зная наше высшее духовенство, мне трудно было наметить такое лицо; я решил посоветоваться с членом церковного собора графом П.Н. Апраксиным⁴⁴, бывшим таврическим губернатором, ныне председателем Ялтинской городской думы, человеком высоко честным и глубоко религиозным. Он находился в Севастополе, и я просил его на следующий день прибыть ко мне. Граф Апраксин горячо рекомендовал мне самого епископа Вениамина, который, помимо других качеств, как епископ Севастопольский был хорошо известен населению Таврии и пользовался среди последнего высоким уважением.

Протопресвитер Шавельский, по словам графа Апраксина, под влиянием событий последнего времени сильно пал духом. Разбитый душой, глубоко морально потрясенный, он в настоящее время для работы был мало пригоден. Я написал протопресвитеру Шавельскому письмо, прося его взять на себя задачу ознакомиться на месте с положением наших беженцев за границей, о тяжелых условиях существования которых до нас доходили слухи, и принести им слово утешения. 31 марта состоялся приказ о назначении епископа Вениамина управляющим военным и морским духовенством.

Из Феодосии прибыл М.В. Бернацкий и подал мне про-

шение об отставке. Мне удалось убедить его взять прошение обратно. Его уход в эти дни оставил бы меня в беспомощном положении. М.В. Бернацкий считал необходимым в ближайшее время проехать за границу, чтобы точно выяснить, на какие из депонированных за границей сумм мы имеем возможность рассчитывать.

В этот день посетили меня представители союзнических военных миссий. Из разговоров с представителем французской миссии генералом Манженом я убедился, что об ультиматуме, предъявленном англичанами, ему ничего не известно.

25 марта на Нахимовской площади был назначен торжественный молебен и парад войскам. После обедни в соборе крестный ход во главе с епископом Вениамином под колокольный звон направился к Нахимовской площади, по дороге к нему присоединялись крестные ходы из других церквей. Вдоль Екатерининской улицы и вокруг площади стояли развернутым фронтом войска. Против памятника адмиралу Нахимову был установлен аналой. Здесь стояла группа высших чинов и представители союзнических миссий. Окна, балконы, даже крыши домов были усеяны зрителями. Стоял тихий солнечный день. Голубое небо отражалось в гладкой, как зеркало, бухте, плавно неслись звуки церковного пения соборного хора, в неподвижном воздухе не трепетал огонь многочисленных свечей, стоял дым кадильного курения. Молебен кончился, епископ Вениамин огласил издан-

ный накануне указ правительствующего сената.

«УКАЗ

Именем Закона из Правительствующего Сената, всем подчиненным ему присутственным местам и должностным лицам и во всеобщее сведение.

Именем закона, Правительствующий Сенат слушали: Приказ от 22 марта 1920 года бывшего Главнокомандующего генерала Деникина о назначении Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта барона Врангеля и приказ последнего о вступлении его в должность.

Приказали: Промыслом Божиим предначертано новому Главнокомандующему стать во главе воинских сил и гражданского управления в исключительной важности исторический момент, когда, невзирая на героические усилия доблестной армии, большевистские полчища стоят на подступах к Крыму и мирное население, истощенное чрезвычайными тяготами жизни, теряет уверенность в будущем. В этот грозный час с честью вывести армию и население из настоящего беспримерно трудного положения и отстоять оплот русской государственности на Крымском полуострове может только крепкая вера в нее и сильная воля любимого войсками вождя. Проникнутая беззаветною любовью к Родине, решимость не знавшего поражений и заслужившего всеобщее доверие генерала Врангеля принять на себя великий по-

двиг предводительства вооруженными силами, борющимися с врагами Веры и Отечества, обязывает всех истинных сынов России сплотиться вокруг него в служении святому делу спасения Родины. Правительствующий Сенат с своей стороны, в сознании лежащей на нем обязанности утверждения законности и порядка, почитает своим долгом призвать все органы государственного управления и все население страны к дружному объединению под властью нового Главнокомандующего, к полному ему повиновению, к честному и самоотверженному служению нуждам армии, не за страх, а за совесть и не щадя живота своего, и к сохранению в тылу спокойствия, порядка и бодрости духа. В благоговейном уповании на милосердие Господне к пострадавшей Родине нашей и с непоколебимой верой в нового народного вождя, которому отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений, – Правительствующий Сенат определяет: особым указом дать знать о сем всем присутственным местам и должностным лицам и опубликовать сей указ во всеобщее сведение.

Марта 24-го дня 1920 года

Обер-Секретарь П. Мезенцов, помощник обер-Секретаря С. Бубель-Яроцкий.

По Общему собранию Правительствующего Сената».

Прочувственное слово сказал протопресвитер Шавельский, благословил меня иконой святого Михаила Архангела.

На возвышение поднялся епископ Вениамин.

«Слушайте, русские люди, слушайте, русские воины, слушайте, вы, представители наших союзников, слушайте, вы, те большевики, которые находитесь здесь, среди толпы...» — звенящим, покрывающим всю площадь, голосом начал владыка.

Он говорил о тяжких страданиях, ниспосланных нашей Родине свыше, как искупление за грехи всех слоев русского народа, о высоком подвиге, который свершают те, которые среди развала и позора Родины чистым несут родное русское знамя, о том тяжелом крестном пути, которым вот уже несколько лет идет русская армия.

«Путь этот тернист, он не кончен. Мы только что перенесли тяжелые испытания, ближайшее будущее, быть может, готовит нам новые. Но вера творит чудеса, тот, кто верит, кто честно и мужественно идет указанным ему совестью путем, тот победит.

Месяц тому назад русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала, быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага...»

Сказанная с огромным подъемом и необыкновенной силой проповедь произвела большое впечатление.

После окропления войск святой водой полки построили на площади резервный порядок. Я, поднявшись к памятнику адмиралу Нахимову, обратился к войскам. Обрисовав в нескольких словах наше тяжелое положение, я сказал, что

без трепета и колебания стал во главе армии в эти дни. Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед Родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня воскресения России.

Войска проходили церемониальным маршем. Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые, заплатаанные сапоги, усталые землистые лица, но весело и бодро блестят глаза, твердо отбивают шаг. Где-то в глубине души шевелится теплое, бодрое чувство: «Нет, не все еще потеряно, нет, мы можем еще держаться...»

После парада я присутствовал на устроенном в мою честь флотом завтраке в Морском собрании. Беседовал с офицерами и представителями команд. И здесь настроение было бодрое, приподнятое, казалось, каждый себя старался уверить в возможности светлого будущего.

Из Морского собрания я проехал в штаб, где принимал представлявших чинов штаба, а затем делал визиты военным представителям Англии, Франции и Соединенных Штатов.

На другой день я съехал с крейсера «Генерал Корнилов» и переехал в приготовленное для меня помещение в городе, так называемый Малый дворец, одноэтажный, небольшой особняк с крохотным садом, выстроенный когда-то для Великого князя Алексея Александровича, генерал-адмирала

Русского флота.

По окончании военного совета 22 марта старшие начальники разъехались: генерал Улагай отправился к своей армии, генерал Сидорин – в Евпаторию к своим донцам, генерал Кутепов – в Симферополь. На местах началась работа по реорганизации Крымского, Донского и Добровольческого корпусов, производился учет материальной части, войска приводились в порядок.

Мой штаб, совместно со штабом командующего флотом, подробно разработал предстоящую операцию по овладению выходами из Крыма. Для начала наступления ожидалось лишь прибытие вышедших из Константинополя транспортов с углем. Для участия в операции, помимо корпуса генерала Слащева, были намечены части Добровольческого корпуса – дроздовцы и алексеевцы. По завершении операции я наметил сосредоточить добровольцев в северо-западной части полуострова, возложив на Добровольческий корпус оборону Перекопского перешейка, части же Крымского корпуса сосредоточить к востоку и возложить на них оборону перешейка у Салькова и Геническа; эшелонированный вдоль линии железной дороги и имея весьма малый фронт, корпус мог передохнуть и спокойно произвести намеченную реорганизацию.

Из Симферополя прибыл и. д. губернатора Перлик. Начальника губернии чрезвычайно беспокоил вопрос о продовольствии городов.

Вследствие расстроенного транспорта, подвоз хлеба из северной хлебородной части полуострова в города Южного побережья совсем прекратился, что, в связи с прибытием в Крым большого числа войск и беженцев, делало вопрос о продовольствии этих городов особенно острым. Большой недостаток ощущался и в других предметах продовольствия. Не хватало жиров, чая, сахара. Беспорядочные, самовольные реквизиции войск еще более увеличивали хозяйственную разруху и чрезвычайно озлобляли население. Необходимо было принять срочные меры, чтобы остановить дальнейшую разруху.

С приходом армии в Крым чрезвычайно усилилась работа большевистских агентов. Работа эта последнее время особенно сильно велась среди крестьянского населения. Хотя в Крыму земельный вопрос и не стоял так болезненно, как в прочих частях нашего отечества, но и здесь, особенно в северных земледельческих уездах, агитация на почве земельного вопроса могла встретить благодарную почву. Что же касается уездов Северной Таврии, с крупными селами и громадными помещичьими имениями, то вопрос этот стоял там особенно остро. По имевшимся оттуда сведениям, враждебная нам пропаганда среди крестьян имела там большой успех. Начальник губернии также придавал исключительное значение ознакомлению населения со взглядами власти на земельный вопрос.

Благодаря тому что генерал Деникин до последнего вре-

мении не решился разрубить этот гордиев узел и дальше бесконечного обсуждения в комиссиях вопрос не пошел, а за это время враждебные нам группы успели использовать его как орудие политической борьбы, вокруг этого вопроса содалась такая сложная болезненная атмосфера, что даже и сочувствующие нам общественные группы и благонамеренные органы прессы окончательно потеряли под ногами почву.

Пресса в Крыму была представлена целым рядом повседневных изданий: «Юг России», «Крымский Вестник», «Вечернее Слово» и «Заря России» в Севастополе, «Таврический Голос», «Время», «Южная Речь» в Симферополе, «Ялтинский Вечер» в Ялте, «Евпаторийский Курьер» в Евпатории, «Вечернее Время»¹ в Феодосии и т. д.

Конечно, камертон давала севастопольская пресса: «Вечернее Слово», редактируемое Бурнакиным, листок монархического оттенка, «Юг России», под редакцией Аркадия Аверченко, газета умеренного направления, и «Крымский Вестник», либеральничавший еврейский орган. Серьезного государственного органа не было.

После смерти пресловутого Освага на территории Вооруженных сил Юга России образовался целый ряд вскармливаемых правительством информационных органов: «Прессбюро», «Редагот», «Инфот», «Осогот», «Политотдел» и т. д.

---

¹ Здесь и далее воспроизводится бытовавшее в ту пору написание двусловных названий.

Все эти органы стоили огромных денег и, пополненные прежними сотрудниками Освага, вели почти безответственную и в большинстве случаев явно вредную работу. Цензура была поставлена совершенно неудовлетворительно. Места цензоров занимались в большинстве случаев строевыми офицерами, не обладавшими ни необходимыми сведениями, ни достаточным кругозором. Сплошь и рядом статьи совершенно невинного характера, почему-либо казавшиеся цензору подозрительными или просто ему непонятные, не пропускались, зато подчас, по недомыслию, на столбцы газет попадали заметки определенно провокационного характера: то сообщалось «по сведениям из осведомленного источника» о «предстоящем назначении на ответственный пост» какого-либо лица, успевшего предыдущей деятельностью своей вызвать общее неудовольствие, то появлялось известие о намечаемой «реформе в армии – снятии с офицеров погон» и т. д.

В нервной, напряженной обстановке тех дней подобные известия встречались весьма болезненно. За последнее время во всей прессе с исключительной горячностью обсуждался вопрос о стеснениях цензуры, предъявлялись требования «предоставить свободу печати» и т. д. Шумиха принимала недопустимые размеры. Я пригласил к себе всех трех редакторов газет. Предложив им чаю, я высказал большое удовлетворение видеть у себя представителей местной прессы, наиболее близко стоящей к органам правительственной власти,

к голосу которой, конечно, прислушивается провинциальная печать.

«Некоторые из вас, господа, знают меня, вероятно, по прежней моей деятельности и знают, что я всегда был другом печати. Печатному слову я придаю исключительное значение особенно в настоящие дни, когда вся страна, весь народ не могут оставаться в стороне от событий, переживаемых Родиной. Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам. Вместе с тем я должен указать вам, что мы находимся в положении исключительном.

Мы в осажденной крепости – противник не только угрожает нам с севера, но мы вынуждены нести охрану всего побережья, где можно ожидать высадок его отрядов. При этих условиях мы не можем обойтись без цензуры. В самых либеральных государствах на театре военных действий, а тем более в осажденных врагом крепостях, самая строгая цензура неизбежна. Эта цензура не может исключительно распространяться на военные вопросы, ибо во время войны, а тем более войны гражданской, где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи, отделить военную цензуру от общей невозможно.

Я не сомневаюсь, господа, в вашем патриотизме и очень бы хотел избавить вас от тех стеснений, которые мешают вашей работе. Вместе с тем, будучи ответствен за то дело, во

главе которого стою, я вынужден принять меры для ограждения армии и населения, под защитой армии находящегося, от всего того, что могло бы им угрожать. Я предлагаю на ваше усмотрение два выхода: или сохранить существующий ныне порядок, причем я обещаю вам принять все меры к тому, чтобы упорядочить цензуру, чтобы подобрать соответствующий состав цензоров, или, освободив печать от цензуры, возложить всю ответственность на редакторов. В этом случае последние явятся ответственными перед судебной властью. В случае появления статей или заметок, наносящих вред делу нашей борьбы, они будут отвечать по законам военного времени, как за преступление военного характера. Должен обратить ваше внимание, что, по военным законам, действия, наносящие вред нам и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. Обдумайте, господа, мое предложение и дайте мне ваш ответ».

Первым подал голос редактор «Крымского Вестника», поспешивший заявить, что, ввиду нашего исключительно тяжелого положения и учитывая все приведенные мною соображения, он готов признать вопрос об отмене цензуры несвоевременным; с ним согласился представитель редакции «Юга России». Один Бурнакин сказал, что готов принять ответственность за свой орган. После этой беседы вопрос об отмене цензуры на столбцах печати больше не обсуждался.

В эти дни в Крым пришли известия об убийстве в Константинополе в здании российского посольства генерала Романовского⁴⁵. Подлое убийство из-за угла. Подробности не были еще известны.

27 марта, в соборе, штабом Главнокомандующего служилась панихида по своему бывшему начальнику. Выходя из собора после службы, я увидел на паперти Петра Бернгардовича Струве⁴⁶ и Н.М. Котляревского⁴⁷, бывшего сотрудника и секретаря А.В. Кривошеина⁴⁸.

В день моего отъезда из Константинополя П.Б. Струве в городе отсутствовал и, вернувшись, узнал о выезде моем в Крым. Он поспешил прибыть в Севастополь, справедливо полагая, что мне необходимы желающие работать, преданные делу люди. Я глубоко оценил эти побуждения. Человек большого ума, огромной эрудиции, Струве как ученый и политик был хорошо известен в Европе. Как советник он мог мне быть чрезвычайно полезен.

От П.Б. Струве и Н.М. Котляревского узнал я впервые подробности убийства генерала Романовского и обстоятельства, вызвавшие занятие здания российского посольства английскими войсками. Н.М. Котляревский привез мне рапорт нашего военного представителя генерала Агапеева⁴⁹. Последний так описал это событие:

«23 марта в 3 часа дня я был извещен по телефону нашим военно-морским агентом о приезде в 3 часа дня в Констан-

тинополь генерала Деникина. Поручив офицеру, доложившему мне предупредить об этом некоторых чинов военного представительства, я взял с собой офицера для поручений и отправился на автомобиле на пристань Топханэ, откуда мне телефонировал военно-морской агент, встречать приезжающего генерала Деникина.

Около 4½ часов генерал Деникин в сопровождении генерала Романовского прибыл в здание русского посольства и прошел в квартиру посла. Я также прошел туда. Через несколько минут генерал Романовский вышел в вестибюль, чтобы отдать распоряжение шоферу. В тот момент, когда он входил, возвращаясь из вестибюля, в бильярдную, к нему сзади подошел неизвестный, одетый в офицерское пальто образца мирного времени с золотыми погонами, который выхватил из правого кармана револьвер системы «Кольт» и произвел три выстрела в упор. Через 2 минуты генерал Романовский, не приходя в сознание, скончался. Убийца бросился по главной лестнице посольства наверх и пытался проникнуть на черный ход, но дверь туда была заперта по приказанию смотрителя зданий дня за 4 до этого. Тогда убийца бросился к другой двери в залу, где живут беженцы. Эта дверь также была заперта, но ее открыла убийце одна из беженок, и убийца быстро прошел на черный ход и скрылся».

Напуганная убийством генерала Романовского, боявшаяся за участь мужа жена генерала Деникина обратилась к прибывшему одновременно с ним в Константинополь генералу

Хольману с просьбой прислать для защиты мужа английские войска. Обязанности российского дипломатического представителя исполнял русский консул Якимов, заменявший давно назначенного, но все еще не прибывшего к месту назначения поверенного в делах Щербатского. Якимов заявил английским властям протест против нарушения экстерриториальности посольства. Генерал Агапеев просил генерала Деникина снестись с генералом Хольманом и не допустить оскорбительного для русского достоинства ввода в посольство английских солдат. Все оказалось тщетным. Генерал Деникин не выполнил просьбы генерала Агапеева. Англичане заявили, что бывший Главнокомандующий находится под их покровительством и они не могут отказать ему в защите.

«С моей стороны, – писал генерал Агапеев, – вслед за вводом английской полиции была сделана попытка напомнить генералу Деникину, что на нем, как на бывшем Главнокомандующем ВСЮР, лежат некоторые нравственные обязанности в вопросе о поддержании достоинства России, причем я начал разговор с ним о наглой выходке генерала Хольмана и как я на нее реагировал, но генерал Деникин, не дав договорить мне, резко оборвал меня, встал и тоном, не допускавшим возражений, сказал: «Ваше превосходительство. Зачем вы мне это говорите...» То напоминание, которое я сделал, было, конечно, неприятно генералу Деникину; я полагаю, он принял решение, сознавая, что оно несовместимо с престижем той идеи, которой он служил, но не желая, чтобы это со-

знавали другие. Так как попытка моя потерпела полное крушение, то мне ничего не оставалось больше, как повернуться и уйти».

Посольство было занято гуркосами. Генерал Деникин даже на панихиде присутствовал окруженный ими. На другой день, накануне похорон своего соратника и друга, генерал Деникин выехал в Англию. После его отъезда английским командованием было выпущено объявление с предупреждением, что если виновники убийства не будут обнаружены, то все русские офицеры будут выселены из района Константинополя. (На убитом генерале Романовском в боковом кармане кителя оказалось перлюстрированное письмо генерала Шатилова к генералу Науменко⁵⁰. Письмо было частное, касавшееся личных вопросов, – просьбу устроить службу одному лицу.)

Необходимо было оградить престиж русского имени. Я отдал приказ об отчислении генерала Агапеева и г-на Щербатского, как не принявших достаточных мер по охране генерала Деникина и прибывших с ним лиц, «следствием чего явилось убийство в Константинополе генерала Романовского и ввод в русское посольство английских войск». В частном письме генералу Агапееву я изложил ему мои соображения и просил не сетовать на меня, ибо я вынужден поступить так, дабы избежать в дальнейшем возможности повторения со стороны англичан новых бестактностей. Я принял меры, чтобы приказ мой стал известен представителям союзного

командования. Приказ возымел действие, и через несколько дней вывешенные в Константинополе объявления английских властей были сняты, а начавшиеся было против русских мелкие репрессии совершенно прекратились. В дальнейшем, несмотря на враждебную нам политику английского правительства, со стороны английских представителей в Константинополе и в Крыму я встречал неизменно самое корректное, предупредительное отношение. Много позже, уже по оставлении России, я от моих английских друзей слышал, что приказ, отданный мною в ограждение русского достоинства, отданный в дни, когда судьба Крыма была всецело в руках англичан, был англичанами оценен по достоинству.

Военным представителем в Константинополе я решил назначить генерала Лукомского⁵¹, большой ум и выдающиеся организаторские способности которого я высоко ценил, во главе дипломатического представительства поставить А.А. Нератова, дипломата старой школы, долгое время бывшего товарищем министра иностранных дел при царском правительстве, опытного, осторожного и исключительно тактичного человека, к тому же имевшего большие связи по старой службе в иностранных дипломатических кругах. А.А. Нератов близко стоял к армии, все время руководя управлением иностранных сношений, за отсутствием начальника управления С.Д. Сазонова⁵², постоянно проживавшего в Париже.

Сазонов, далеко стоявший от нашей борьбы, не был в состоянии учесть новую обстановку, приспособиться к новым

условиям работы. Он не мог примириться с тем, что положение представителя Великой России теперь другое, и, оберегая свое достоинство, все время уходил от дела. Его присутствие в Париже стало бесполезным, да и, по существу, место руководителя внешней политикой должно было быть в центре государственного управления.

Я решил, предложив А.А. Нератову назначение в Константинополь, просить П.Б. Струве стать во главе управления иностранных сношений.

С уходом Сазонова теряло смысл и дальнейшее существование пребывающей в Париже политической делегации, одним из членов которой являлся С.Д. Сазонов. Делегация эта под главенством бывшего председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова и при участии ряда общественных деятелей выступала по вопросам нашей внешней политики, с протестами, записками и меморандумами, не имевшими, конечно, существенного значения. Я телеграфировал нашему послу в Париже, что в дальнейшем все сношения будут вестись исключительно через него одного. Члены делегации из общественных деятелей стали с этого дня в оппозицию Главному командованию, не брезгуя ничем, чтобы вредить в иностранных кругах тому делу, которое с таким трудом приходилось вести.

29 марта я объявил положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России.

«ПРИКАЗ

Главногокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2925

г. Севастополь. 29 марта 1920 года

Объявляю положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными Силами на Юге России.

Правитель и Главныйкомандующий Вооруженными Силами на Юге России принимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главногокомандующему.

Непосредственно Главногокомандующему подчиняются: помощник Главногокомандующего, начальник его штаба, начальник военного управления, начальник морского управления – он же командующий флотом, государственный контролер, начальник гражданского управления, ведающий внутренними делами, земледелием и землеустройством, юстицией и народным просвещением, начальник хозяйственного управления, ведающий финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью и путями сообщения, начальник управления иностранных сношений.

Все эти лица составляют при Главногокомандующем совет, имеющий характер органа совещательного.

Генерал-лейтенант барон *Врангель*».

Приказ этот я издал по предварительному соглашению с атаманами и председателями правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани.

Наконец, Главнокомандующий в отношении подведомственных ему казачьих войск получал полную мощь и нахождению в рядах армии казачьих частей хотя бы и разных войск, но на разных основаниях был положен конец. Этот приказ впервые ясно и определенно поставил вопрос о диктатуре.

Первые дни

Все вопросы по снабжению войск и населения, экспорту и импорту были объединены в руках начальника снабжения. Через два дня об этом последовал приказ.

Одновременно был издан ряд приказов по запрещению самовольных войсковых реквизиций лошадей, скота и пр., по уменьшению тягот городского населения от постоя войск, по обеспечению населения продовольствием, для чего с целью сократить убой скота введены были обязательные для войск и населения три постных дня в неделю. Войскам в городах запрещено было брать хлеб из частных лавок, и начальникам гарнизонов приказано было организовать повсеместно войсковое хлебопечение. Запрещен был вывоз из пределов Крыма хлебных злаков, рыбных продуктов, всякого рода жиров, и запрещено было приготовление сладких кондитерских изделий; предложено было городским самоуправлениям ввести на отпуск хлеба карточную систему с условием, чтобы на каждого едока приходилось не более одного фунта хлеба (отпуск хлеба войскам из войсковых хлебопекарен производился по прежним нормам). Хлеб указывалось выпекать из пшеничной или ржаной муки с примесью 20 процентов ячменя. Такой хлеб, как показали произведенные опытные выпечки, оказался вполне удовлетворительным.

Вновь назначенный начальник снабжения взялся за дело с той исключительной энергией, которая была ему свойственна. Организовывался целый ряд мастерских, седельных, оружейных, слесарных, швальни и сапожные. Огромный Севастопольский портовый завод приспособлялся для починки орудий, пулеметов, броневых машин и аэропланов. В Константинополь был дан ряд нарядов по закупке жиров и других необходимых предметов продовольствия, бензина, керосина, масла и угля. Первые транспорты с углем уже прибыли, и начало намеченной мною операции было назначено на 1 апреля.

Намечая целый ряд мер по приведению армии в порядок и организации тыла, я все время думал об обеспечении на случай несчастья возможности эвакуации, требуя присылки все новых и новых транспортов угля.

В нескольких десятках верст от Симферополя имелись залежи угля. Об этих залежах было давно известно, однако они доселе не разрабатывались, хотя пласты были поверхностные, разработка легка и уголь хорошего качества. Крым пользовался донецким углем. Я приказал срочно исследовать месторождение и произвести разведку для проведения к угольным месторождениям железнодорожной ветки от ближайшей станции Бешуй-Сюрень.

В случае необходимости для нас оставить родную землю, нам трудно было рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам при-

ют. Исключение могли составить лишь славянские страны, и прежде всего Сербия, столь много обязанная Великой России. Я послал Сербскому Королевичу Александру письмо, прося его приюта и защиты на случай нашего несчастья. Я писал, что делаю все возможное, чтобы спасти от красного ига последний клочок русской земли, и хочу верить, что Господь мне в этом поможет, но что я должен предвидеть худшее.

Приближались дни Светлого праздника. Как мало напоминали они такие же дни минувших годов тихой русской жизни; весна была в полном разгаре, церкви полны молящихся, но не было обычного предпраздничного радостного ожидания. Цены страшно росли, продуктов недоставало, все жили под гнетом грозного будущего. В Страстную пятницу я исповедовался, на следующий день приобщился. После заутрени в соборе разговлялся в офицерском собрании лейб-гвардии Казачьего полка, несшего гарнизонную службу в городе. Полк этот был один из немногих, где сохранился старый офицерский состав. Большинство сотенных командиров командовали сотнями еще в германскую войну.

В первый день праздника, 29 марта, я принимал поздравления представителей иностранных миссий и высших чинов, а вечером на яхте командующего флотом «Лукулл» вышел в Ялту. Я наметил посетить ряд городов, чтобы на месте ознакомиться с нуждами населения.

Мы прибыли в Ялту 30-го утром. На дебаркадере привет-

ствовал меня целый ряд депутатий от сената, городского самоуправления, Красного Креста, прессы и т. д. Приняв депутатии, я проехал в городской собор, где прибывший со мной епископ Вениамин отслужил молебствие, затем в гостиницу «Россия», где в большом зале присутствовал на торжественном заседании сената, после чего принимал целый ряд лиц. Тут же в гостинице «Россия» обществом помощи чинам Добровольческой армии был устроен завтрак. Днем я осматривал расположенные в Ялте лазареты и санатории.

На следующее утро я вернулся в Севастополь. Встретивший меня только что прибывший из Константинополя генерал Шатилов сообщил неприятное известие. Накануне на городском бульваре офицер лейб-гвардии Петроградского полка капитан Манегетти, встретив нескольких матросов, сделал им какое-то замечание. Один из матросов ответил. Капитан Манегетти выхватил револьвер, выстрелил в упор и убил матроса. Среди команд флота и в городе случай вызвал массу разговоров. Расследование уже было закончено, оно показало, что и офицер и матросы были в нетрезвом состоянии. Действия капитана Манегетти не были вызваны необходимостью самозащиты или защиты офицерского достоинства, и поведению его нельзя было найти оправдания. Я приказал на другой же день предать капитана Манегетти военно-полевому суду, причем заседание суда назначить гласным. Зал был переполнен публикой, среди которой было много людей флотских команд. Капитан Манегетти был при-

говорен к смертной казни, причем суд постановил во внимание к прежним его боевым заслугам ходатайствовать передо мной о смягчении наказания. Я заменил смертную казнь разжалованием в рядовые. Инцидент не имел дальнейших последствий. Через несколько месяцев капитан Манегетти доблестно погиб в бою.

31 марта мною был подписан приказ о введении во всех частях гарнизонов судов чести для штаб- и обер-офицеров, причем права судов в отношении наложения наказаний были значительно расширены вплоть до разжалования в рядовые.

Генерал Шатилов имел в Константинополе несколько свиданий с английским верховным комиссаром. Последний не скрывал своего убеждения в бесполезности переговоров великобританского правительства с большевиками.

Генерал Лукомский принял уже ряд мер по обеспечению Крыма необходимым и прежде всего углем, на чем я особенно в моих письмах к нему настаивал.

В Севастополе я пробыл всего день и проехал в Симферополь, где смотрел части 1-го корпуса, несущие в городе гарнизонную службу, присутствовал на молебствии в соборе, принимал ряд должностных лиц и осмотрел несколько лечебных заведений. По приезде на вокзал я был встречен почетным караулом от Добровольческого корпуса и был очень поражен увидеть выстроенный у моего вагона караул юнкеров Константиновского училища, входившего в состав частей, подчиненных генералу Слащеву. На правом флан-

ге стоял сам генерал Слащев; последний доложил мне, что, узнав о предстоящем прибытии моем в Симферополь и «не доверяя добровольцам», прибыл с юнкерами для моей охраны. Я весьма сухо заметил ему, что одинаково доверяю всем частям армии и ни в какой особой охране не нуждаюсь, и, поздоровавшись с юнкерами, прекратил дальнейшие разговоры и прошел к почетному караулу 1-го корпуса, а затем на площадь, где были выстроены войска. Генерал Слащев был, видимо, весьма смущен.

31 марта в районе Перекопа разыгрался упорный встречный бой. Со стороны противника действовала 1-я латышская дивизия с конницей. 2-й Донской дивизией генерала Морозова, поддержанной нашей пехотой, аэропланами, броневидами и танками, противник был разбит. Перекопский вал и ближайшие подступы остались в наших руках. 1 апреля красные, подтянув только что прибывшую 3-ю стрелковую дивизию и сосредоточив до трех тысяч конницы, пытались снова наступать, но, встреченные нашей контратакой, были отбиты. В этот день наш правый десант – Алексеевская бригада – имевший целью отвлечь резервы красных, благополучно высадился у деревни Кириллович, в сорока верстах северо-восточнее Геническа, и занял село Ефремовка. Однако при дальнейшем продвижении на соединение со своими частями в районе Геническа алексеевцы были атакованы красными и, не проявив должной стойкости, стали отходить, причем понесли значительные потери.

2 апреля наши части овладели южными предместьями Генческа. Одновременно в районе Хорлов была произведена высадка нашего левого десанта — полков Дроздовской дивизии. Высадка производилась при чрезвычайно трудных условиях: красные занимали Хорлы двумя полками с большим количеством пулеметов и четырьмя орудиями, хорошо пристрелянными по единственному ведущему в порт каналу. Славные дроздовцы с помощью моряков преодолели все препятствия.

3 апреля части правого десанта продолжали продвижение на Ново-Алексеевку. Одновременно правофланговые части Крымского корпуса, под начальством храброго генерала Ангугладзе⁵³, атаковали и овладели станцией Сиваш. Испорченный противником Сивашский мост был быстро исправлен, и наши части, продолжая наступление, при поддержке бронепоездов, после блестящей атаки юнкеров-константиновцев, заняли укрепленную противником станцию Чонгар. В Перекопском районе весь день 3 апреля шел сильный бой. Все атаки противника были отбиты нашими частями, усиленными прибывшими марковцами. В этот день дроздовцы, продолжая наступление, овладели селом Адамань, где захватили четыре орудия в полной запряжке. Дроздовская дивизия дралась блестяще, имея противника со всех сторон и испытывая недостаток в снарядах.

3-го вечером я выехал на фронт и рано утром со станции Таганаш, в автомобиле с генералом Слащевым, проехал

к нашим частям, ведущим наступление на станции Джимбулук. Со мной прибыл пожелавший сопровождать меня епископ Вениамин. Наши части при поддержке огня бронепоезда вели наступление. Противник отходил. Его артиллерия обстреливала наши цепи. Стрелки залегли на гладкой солончаковой равнине. Неприятельские снаряды взбивали фонтаны черной жидкой грязи. Выйдя из автомобиля, я пошел вдоль цепи, здороваясь с людьми, благодаря их за славное вчерашнее дело. Епископ Вениамин с крестом в руке благословлял людей. Начальник дивизии, генерал Ангуладзе, лично поднял цепь и повел стрелков.

Вскоре укрепленная красными станция Джимбулук была взята нами. Противник с Чонгарского полуострова беспорядочно отходил на север. Получено было от командира Алексеевской бригады, полковника Гравицкого⁵⁴, донесение, что им занят Геническ. Противник отходил, преследуемый нашими частями. Обойдя стоящие в резерве войска, я вернулся на станцию Джанкой и оттуда на автомобиле проехал к Перекопу. На следующий день утром части генерала Ангуладзе заняли станцию Сальково.

Между тем дроздовцы, продолжая наступление и отбивая атаки конницы противника, прорвали фронт красных южнее Преображенки и присоединились к нашим частям у Перекопа, вынеся с собой всех своих раненых и захваченные трофеи. Во время боя под начальником Дроздовской дивизии, генералом Витковским⁵⁵, было ранено две лошади. За бои

последних дней нами было захвачено шесть орудий и шестьдесят пулеметов.

Поставленная мною войскам задача была выполнена, но главное значение боя было моральное. Последние бои показали, что непобедимый дух в армии еще жив. А раз жив дух, то не все еще потеряно. Я послал генералу Шатилову телеграмму, приказав широко оповестить о нашей победе население.

В Севастополе были получены сведения о возобновлении военных действий на Польском фронте. Польские войска перешли в наступление и по всему фронту теснили красных. Наше тяжелое военное положение несколько облегчалось. Мы могли рассчитывать, что противник, отвлеченный всецело поляками, даст нам временную передышку. Эту передышку мы должны были всемерно использовать.

Войскам было приказано немедленно приступить к укреплению занятых ими позиций. Одновременно приказано было начать подготовку укрепленных тыловых позиций в районе села Юшунь и станции Таганаш. Приказано было спешно строить железнодорожную ветку от станции Джанкой на село Юшунь. Постройка этой ветки была намечена генералом Слащевым еще до прибытия моего в Крым, однако работы пока мало продвинулись. Необходимые для укрепления позиций материалы частью находились на месте, частью должны были быть подвезены из Феодосии и Севастополя. Руководство работами по укреплению выходов из Крыма и

проведению ветки Джанкой – Юшунь было возложено на генерала Юзефовича.

Возвращаясь в Севастополь, я на несколько часов остановился в Симферополе, где принял в вагоне ряд лиц, в том числе прибывшего из Евпатории редактора газеты «Евпаторийский Вестник» Ратимова, добивавшегося иметь со мной личный разговор. Ратимов ходатайствовал о поддержании издаваемого им органа, весьма сочувственного армии направления. Положение газеты в Евпатории было весьма трудное, ибо поддержки со стороны расположенного там штаба Донского корпуса газета не встречала. При штабе корпуса издавалась газета «Донской Вестник», и в «Евпаторийском Вестнике» штаб корпуса видел конкурента и противника, ибо самое направление донского органа было определено враждебно Главному командованию. В подтверждение своих слов Ратимов передал мне целый ряд номеров «Донского Вестника». Просмотрев их, я просто оторопел. Орган издавался при ближайшем участии командира корпуса и начальника штаба, что было мне хорошо известно. Редактором состоял начальник политической части, сотник граф Дю-Шайля⁵⁶. О нем я уже ранее имел сведения самого неблагоприятного характера, он принимал деятельное участие в враждебной Главному командованию политики донцов.

Оппозиция донского командования не была для меня новой, однако то, что я увидел, превосходило все мои ожида-

ния.

В ряде статей официального органа разжигалась самым недопустимым образом вражда казаков против добровольцев, восстанавливалось казачество против «генералов и сановников», проводилась мысль об отделении всего казачества от России. Я не знал, чему более удивляться, – подлости ли изменнической работы лиц, стоявших во главе донцов, или наглости их открытой, ничем не прикрашиваемой работы. Я предложил господину Ратимову проехать со мной в Севастополь.

Прибыв туда, я немедленно послал за Донским атаманом генералом Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера «Донского Вестника» и предложил лично переговорить с Ратимовым. Оставив генерала Богаевского и Ратимова вдвоем, я прошел к себе в кабинет и тут же набросал приказ, в котором писал: «По соглашению с донским атаманом, приказываю генерал-лейтенанту Сидорину сдать должность генерал-лейтенанту Абрамову⁵⁷. Отрешаю от должности начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Келчевского и генерал-квартирмейстера генерал-майора Кислова⁵⁸. Начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа Дю-Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду. Газету закрыть».

Закончив приказ, я вышел к генералу Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ.

— Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии?

— Да, конечно... — видимо, с громадным трудом, едва слышно ответил атаман.

Я тут же подписал приказ и передал его адъютанту для исполнения.

Проведенное следствие обнаружило полную виновность генералов Сидорина и Келчевского. Сотник граф Дю-Шайля являлся второстепенным исполнителем. В момент ареста он попытался покончить жизнь самоубийством и тяжело себя ранил. Генерал Сидорин пробовал привлечь на свою сторону офицеров корпуса, однако успеха не имел.

Ознакомившись с результатами следствия, я предал генералов Сидорина, Келчевского и сотника графа Дю-Шайля военно-полевому суду. Суд под председательством генерала Драгомирова приговорил обоих генералов к каторжным работам, каковое наказание я заменил им, во внимание к прежним боевым заслугам Донской армии, исключением со службы с лишением мундира.

Сотник граф Дю-Шайля, тяжело раненный, лежал в госпитале, и дело о нем было выделено; оно рассматривалось много позднее. Ввиду того что граф Дю-Шайля был не более как мелкий проходимец, простой исполнитель, и что я нашел

возможным смягчить участь главных виновников, суд сотника графа Дю-Шайля оправдал. Последний выехал за границу и после оставления нами родной земли продолжал враждебную армии политику.

Одним решительным ударом был положен предел оппозиционной работе донского командования. Проискам и интригам недовольных генералов наступил конец. Одновременно с генералами Сидориным и Келчевским выехали за границу генералы Покровский, Боровский, Постовский. Интриги прекратились.

Один лишь генерал Слащев не мог успокоиться. Убедившись, что я в разговорах с ним тщательно избегаю касаться всего того, что не имеет отношения к вопросам, связанным с его командованием, он стал засыпать меня своими сумбурными рапортами. Рапорты эти столь характерны, что я не могу не привести одного из них.

«5 апреля 1920 года.

Секретно в собственные руки.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге
России № 021

РАПОРТ

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего Главнокомандующего и командвойска не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условий новой работы. Замеча-

ется перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о ломке всего того, что, может быть, и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Все это сказалось: 1. Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги либо болтается из стороны в сторону. 2. Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому – нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.) Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идет с коренными защитниками фронта, до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в Вашем штабе остались лица «керенского» направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1. Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на военном совете (уход генерала Деникина) во всеуслышание, в присутствии командиров полков заявили, что если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут, и провозгласили ему «ура». Это заявление и «ура» на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что считал своим долгом встать и спросить: «Чему мы служим

– Родине или лицам». Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2. Генерал Махров и полковник Коновалов портят все дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственных должностях «лиц», подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграмму о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссия осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых, до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых – отменил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1. Пресечь попытки разных лиц и партий провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2. Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3. Объявить себя диктатором (неограниченным правите-

лем) без флера, а ясно для всех (для народа).

4. Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим хлеб за труд.

5. Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева хотя бы на должности, где интриги их будут бессильны.

6. Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести).

Слово свое сдержал.

Честь свою сохранил я и тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым — я сделаю все, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но хода-

тайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащев».

В Севастополе я пробыл всего один день и 7 апреля вновь выехал в Симферополь, где посетил университет и присутствовал на совете университета.

Генерал Кутепов железной рукой приводил свои войска в порядок, беспощадно предавая военно-полевому суду и подвергая смертной казни грабителей и дезертиров. Местные либерально-общественные круги во главе с симферопольским городским головой Усовым стали генералу Кутепову в оппозицию, предъявляя от имени общественности протесты против смертной казни и т. д. Я предложил городскому голове на другой день прибыть в Севастополь. Сообщая о его выезде, либеральная пресса намекала, что, в связи с вызовом симферопольского городского головы к Главнокомандующему, ожидается ряд перемен в высшем командовании, что Главным командованием, вероятно, приняты будут меры против самовольных действий некоторых высших чинов и т. п.

Городской голова вошел в мой кабинет с видом победителя. Но, видя, что я не подаю ему руки и не прошу сесть, заметно смутился.

«Я знаю о неладах ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний, – сказал я. – Я не

хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением, и я действую так, как мой ум и моя совесть мне повелевают. Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не остановлюсь ни перед чем и без колебания устраню всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы».

Господин Усов вышел из кабинета как в воду опущенный. Через день газеты сообщили, что «вернувшийся из Севастополя симферопольский городской голова отказался сообщить подробности своего разговора с Главнокомандующим». Еще через несколько дней те же газеты сообщили, что господин Усов тяжело заболел и подал в отставку.

В Севастополь вновь прибыли с Кавказского побережья генерал Улагай и командир Донского корпуса генерал Стариков. Попытки генерала Улагая перейти в наступление оказались тщетными. Казаки совсем не хотели драться. Среди кубанского правительства, рады и высшего командования кубанцев и донцов происходили нелады. Генералы Улагай и Стариков настаивали на перевозке кубанцев и донцов в

Крым, однако кубанский атаман генерал Букретов не соглашался.

Я собрал совещание из атаманов донского, кубанского и терского войск, генералов Улагая и Старикова, генерала Шатилова, генерала Махрова и командующего флотом. Генералы Улагай и Стариков повторили свои доклады. Атаманы донской и терский их поддержали, генерал Букретов вновь заявил, что считает перевозку кубанцев в Крым нежелательной, что, как кубанский атаман, он считает необходимым предварительно опросить всех казаков об их желании. На мое возражение, что я не могу допустить обсуждения казаками приказаний начальников, генерал Букретов ответил:

– А я, как атаман, не могу допустить, чтобы казаков перевезли в Крым, где они будут пасынками, как были всегда в Добровольческой армии. В этом я не вижу и надобности. Неправда, что казаки не желают драться. Не желают драться лишь их старшие начальники – генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев⁵⁹ и другие.

– Раз так, то пускай сам генерал Букретов командует армией, – вспылил генерал Улагай.

Я остановил его и обратился к Букретову:

– Вы упрекаете старших начальников в нежелании драться. Зная всех их, я, конечно, этому верить не могу; однако из ваших слов мне ясно, что, при подобном отношении атамана, правительства и рады к высшему командному составу, последний не может иметь среди казаков должного автори-

тета. Вы уверяете, что казаки готовы драться с другими начальниками. Отлично, вступайте в командование Кубанской армией сами и бейте большевиков.

– Нет, командовать армией я не согласен.

– В таком случае нам разговаривать не о чем. Ответственность взять на себя вы не хотите, а агитацию безответственных лиц среди казаков против их командующего армией я допустить не могу. Можете идти, но из Крыма вы не выедете. – Я обратился к адмиралу Герасимову: – Поручаю вам принять меры, чтобы ни одно из отходящих из Крыма судов не приняло на свой борт генерала Букретова.

Генерал Букретов вышел. Все присутствующие казались весьма смущенными. Генерал Богаевский и генерал Вдовенко⁶⁰ стали убеждать меня изменить мое решение.

– Атаман лицо неприкосновенное, – говорил генерал Богаевский, – вы только что отдали с согласия атаманов приказ, где подтвердили права казачества на внутреннее самоуправление; задержание генерала Букретова произведет тяжелое впечатление на всех казаков...

Генерал Шатилов стал также убеждать меня. Я твердо стоял на своем:

– Я не могу допустить, чтобы генерал Букретов вернулся к армии и там продолжал агитацию. Я ни одну минуту не верю ему, что казаки готовы драться, но пусть он сам несет ответственность за все, что произойдет...

Наконец генерал Шатилов предложил поехать к генералу

Букретову и лично переговорить с ним. Через полчаса генерал Шатилов вернулся и сообщил, что генерал Букретов готов согласиться на командование армией. Я вновь просил генерала Шатилова проехать к кубанскому атаману и передать ему, что я сожалею о происшедшем недоразумении и прошу его вернуться на совещание. Генерал Букретов прибыл.

— Я рад узнать, что вы изменили свое решение и готовы принять на себя тяжелую ответственность. Забудем все бывшие недоразумения, — сказал я, протягивая ему руку.

Тут же подписал я приказ о назначении генерала Букретова командующим Кубанской армией и зачислении в мое распоряжение генералов Улагая, Шкуро, Науменко и Бабиева.

Дабы подчеркнуть еще раз единение Главнокомандующего с атаманами, я просил генерала Богаевского согласиться принять на себя звание командующего Донской армией. Фактически таковой не существовало, ибо войска, находящиеся уже в Крыму, были сведены в корпус, а части генерала Старикова по составу не превосходили дивизии; в случае переброски в Крым должны были войти в состав Донского корпуса. Принятие генералом Богаевским должности командующего Донской армией имело значение лишь принципиальное.

9 апреля состоялось под моим председательством первое заседание совета начальников управлений при мне. Открывая заседание, я ознакомил совет с нашим общим политическим и военным положением и, указав на то, что мною

принимаются все меры для усиления боеспособности армии, подчеркнул, что эта боеспособность зависит в большой степени от того, как организован тыл.

В первую очередь я обратил внимание на необходимость принятия ряда мер по улучшению хозяйственного положения: удешевления предметов первой необходимости, увеличения запасов муки в городах и пр. В Крыму имелись запасы сырья, готовой соли, большое количество железного лома, имелись залежи серы, туфов и, в районе станции Бешуй, угля. Необходимо было принять меры для возможности их разработки и использования. Затем мною было обращено внимание на необходимость сокращения непомерных штатов всевозможных управлений и учреждений, на несоответствие окладов служащих в различных ведомствах, на необходимость разработать вопрос о нормировке рабочих ставок и хотя бы частичной натурализации оплаты труда. Наконец, мною было обращено внимание на то, что городские и земские самоуправления расходуют получаемые ими многомиллионные авансы не по прямому их назначению, а на повышение окладов служащих и т. п.

Генерал Вильчевский доложил, что, при условии расходования не более фунта хлеба в сутки на человека, он надеется, что муки хватит в Крыму до нового урожая. Им уже был принят ряд мер для устранения продовольственного кризиса и для обеспечения населения недостающими продуктами путем подвоза. Так, выписано было несколько миллионов пор-

ций солонины и мясных консервов из Болгарии, приобретенные жиры в Константинополе и т. д. В ближайшие дни должны были начаться изыскания бешуйских угольных месторождений.

Совет наметил образование особой комиссии под председательством моего помощника, генерала Шатилова, для пересмотра штатов всех учреждений с целью возможного сокращения их и для установления единообразных окладов содержания во всех ведомствах, соответственно классам занимаемых должностей. Другая комиссия была образована под председательством генерала Вильчевского для разработки вопроса о нормировке рабочих ставок и возможном переходе хотя бы к частичной натурализации оплаты труда и с целью наметить другие пути к облегчению рабочим борьбы за существование: устройство кооперативов, швален, развитие существующих уже потребительских лавок под названием «Армия – населению».

В конце заседания и. о. начальника управления финансов Б.В. Матусевич сделал доклад о причинах падения русского рубля. Намечено было образовать под председательством начальника управления финансов особую комиссию, коей поручить наметить ряд мер по улучшению налоговой системы и по увеличению доходов казны.

Я все более убеждался, что те лица, которые до сего времени стояли во главе различных отраслей государственного управления на Юге России, не были в состоянии справиться

ся с той огромной задачей, которую судьба ставила им. Вся гражданская и экономическая жизнь в стране была разрушена, все приходилось создавать сызнова, не просто восстанавливать, а именно создавать, в полной мере учитывая все новые политические и экономические условия. С такой задачей могли справиться лишь люди, обладавшие широким запасом знаний и государственного опыта и необыкновенной политической гибкостью. Последние два условия, конечно, трудно было совместить в одном лице. Наиболее испытанные государственные деятели приобрели необходимый опыт и знание дела, проведя всю службу в прочно сложившихся бюрократических условиях старой России. Они никак не могли от этих условий отрешиться, не могли плодотворно работать при отсутствии прочно и правильно налаженного административного аппарата в условиях военно-походной жизни междоусобной войны; в работу свою они неизбежно переносили все отрицательные черты нашей старой бюрократии, не умели близко подойти к населению, вводили в живое дело неизбежный канцеляризм, служебную волокиту, условные, потерявшие свое значение формы. Необходимая в эпоху революционных потрясений, свободная в формах творческая работа была им не под силу. Те круги нашей либеральной общественности, среди которой черпал своих сотрудников генерал Деникин, были для работы еще менее подходящими. Люди в большинстве случаев слов, а не дела, принадлежащие главным образом к тому классу русской интеллиген-

ции, которой даже и в политической борьбе был чужд действенный порыв, они были не способны к творческой работе, не обладая в то же время ни необходимыми знаниями, ни достаточным опытом.

Я ясно понимал, что в настоящих исключительно тяжелых условиях с огромной предстоящей в Крыму работой может справиться лишь государственный деятель, обладающий исключительными данными. Единственным лицом, которому эта работа могла бы быть под силу, был, по моему убеждению, А.В. Кривошеин.

Я знал его лично давно, его государственная деятельность в течение долгих лет была известна всей России. Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления. Служил и в земском отделе Министерства внутренних дел, где близко ознакомился с крестьянским вопросом, в Государственном земельном банке, состоял начальником переселенческого управления, товарищем министра финансов; в бытность последним широко развил деятельность крестьянского банка и направил ее к повсеместному созданию мелкой крестьянской собственности. В течение десяти лет был министром земледелия, ближайшим сотрудником П.А. Столыпина, проводя в жизнь земельную реформу последнего. Достижением высоких служебных положений он обязан был одному себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значе-

ние в высших правительственных кругах, он в равной мере пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных.

Выдающийся администратор, он всегда удачно выбирал своих сотрудников, целый ряд которых впоследствии, пройдя его школу, выдвинулись на разнообразных поприщах государственной службы.

Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был приять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона.

Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной мой тяжкий крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что, горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя родины. 9 апреля Н.М. Котляревский выехал в Париже к А.В. Кривошеину с моим письмом.

Первые шаги новой власти, решительные меры по восстановлению порядка в тылу и недавняя победа на фронте внес-

ли в население некоторое успокоение, однако лицо новой власти продолжало быть закрытым. Враждебная нам пропаганда делала свое дело. В многочисленных разговорах моих с представителями военной и гражданской власти и с общественными деятелями, я неизменно убеждался, что от новой власти ожидают разъяснения наиболее больных вопросов. Вопросы эти всегда были те же: земельный, отношение к казачеству и государственным новообразованиям, отношение к государствам Западной Европы. Весьма дружественно расположенный к нам начальник американской миссии адмирал Мак Колли и французской – генерал Манжен также указывали мне на необходимость, в противовес тенденциозному освещению намерений нового командования в иностранных кругах, широко ознакомить с моими взглядами общественное мнение.

Идя навстречу общим пожеланиям, я пригласил представителей печати и ознакомил их со своим взглядом на предстоящие нам задачи:

«После тяжелых шестидневных боев мы овладели плацдармами Крыма и прочно их за собой обеспечили.

Армия, после пережитых испытаний, спешно приводится в порядок, переформируется. В самом ближайшем будущем я проведу целый ряд мер организационного характера, которые должны устранить часть недочетов, значительно затруднявших управление армией. Проведен уже отчасти в жизнь целый ряд мер для повышения нравственного уровня

в войсках. В частях введены суды чести для офицеров, коим предоставлены широкие права до разжалования штаб-офицеров включительно.

Наравне с заботами об армии будет проведен ряд мер к разрешению наиболее назревших вопросов государственной жизни. Трехлетняя анархия, неоднократная смена власти, из которых каждая провозглашала программы, имеющие целью увлечь за собой симпатии населения заманчивыми обещаниями, исполнить каковые физически не могла никакая власть, — настолько усложнили целый ряд отраслей промышленно-экономической жизни, что разрешить это сразу нет никакой возможности. Примером может служить хотя бы земельный вопрос.

Я стремлюсь к тому, чтобы разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности. Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире, — вот основные задачи власти.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России, крупное землевладение отжило свой век. Улучшение материального благосостояния рабочих и удовлетворение их профессиональных нужд явля-

ется одной из моих главнейших забот.

Теперь о причинах наших бывших неудач. Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной, и проводить одну политику, «русскую», вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая», какая-то частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать «добровольцев» — врагов России.

Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немного не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями. В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделяли всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований.

Я вижу к воссозданию России совершенно иной путь. Несколько дней тому назад мною заключено соглашение с представителями всех казачьих войск, коим между мною и казаками установлены определенные взаимоотношения. Казачьи области остаются в своем внутреннем самоуправлении самостоятельными, их же вооруженные силы полностью под-

чиняются мне.

В областях не казачьих я объединил всю полноту гражданской и военной власти без всяких ограничений, причем при разрешении вопросов внутренней жизни я намерен широко обращаться к помощи общественных сил. Мы в осажденной крепости, и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе.

Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, которая удовлетворит все круги населения. Пока же борьба не кончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда.

На такой же точке зрения я стою в отношении к вопросу о так называемой «ориентации». С кем хочешь, но за Россию, – вот мой лозунг. В частности, касаясь германской ориентации, о которой так много пишут и говорят за последнее время, я не могу придавать ей серьезного значения. Германия, истощенная войной и занятая внутренними делами, едва ли может оказать реальную помощь другим странам.

Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потя-

нули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

11 апреля мною был отдан приказ об образовании под председательством сенатора Глинки, одного из ближайших сотрудников А.В. Кривошеина, бывшего начальника переселенческого управления, комиссии по разработке земельного вопроса. В основу работы комиссии должны были быть положены следующие руководящие начала:

1. Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована.
2. Землю должно владеть на правах прочно установленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд.
3. Посредником для расчетов между крупным и мелким землевладением должно быть государство.

Я понимал, что в бесконечно разнообразных этнографических и экономических условиях необъятных пространств России среди общего развала и смуты, разрушивших все хозяйство страны и нарушивших все правовые взаимоотношения, разрешить удовлетворительно земельный вопрос в полном объеме невозможно, что любое решение вызовет неудовольствие многих, что, несомненно, в будущем жизнь внесет свои неизбежные коррективы. Но настоящие условия этой жизни не позволяли дальше ждать, требовалось разрубить этот гордиев узел. Разрешение этого вопроса имело исключительное психологическое значение. Оно должно было

выбить из рук наших врагов главное оружие политической борьбы, ударить по воображению населения и армии, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах.

С первых дней приезда моего в Крым я обратил внимание на необходимость установления начал нормального правопорядка, столь пошатнувшегося за годы Гражданской войны.

Одной из главнейших причин развала армий генерала Деникина было отсутствие в них твердого правового уклада и чувства законности. Войска развратились, военно-судебное ведомство, во главе с главным военным и морским прокурором, было бессильно. Приказом Главнокомандующего право на возбуждение уголовного преследования предоставлено было непосредственным начальникам виновных. В существовавшие корпусные суды, в состав которых входили опытные юристы, дел почти не поступало, почти все дела рассматривались военно-полевыми судами, находившимися фактически в полном подчинении войсковым начальникам. Военно-полевые суды стали постоянно действующим аппаратом судебной власти и, состоя из лиц в большинстве случаев незнакомых с самыми элементарными юридическими познаниями, сплошь и рядом совершали грубые непоправимые ошибки, в корне нарушая основные понятия законности и правопорядка. Престиж суда оказался подорванным.

Моим приказом от 6 апреля предание суду должно было производиться не по усмотрению войскового начальства, а путем непосредственного внесения прокурорским надзором

обвинительного акта в суд с сообщением о том начальству обвиняемого для отдания в приказ.

Наряду с другими мерами для решительного искоренения грабежей и разбоев, приказом моим от 14 апреля образованы были особые военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, комендантах крепостей, а впоследствии при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад. Комиссии в составе председателя и пяти членов назначались по возможности из лиц с высшим юридическим образованием, а делопроизводитель обязательно с таковым. Комиссии подчинены были непосредственно главному прокурору. Их рассмотрению подлежали дела об убийствах, грабежах, разбоях, кражах, самочинных и незаконных реквизициях, а равно о всяких других незаконных действиях, клонящихся к стеснению местных жителей, совершаемых военными. Пределы власти каждой комиссии распространялись на территории соответствующего уезда или на чинов данного войскового соединения. Несколько позднее, в интересах более полного обеспечения мирного населения, в состав комиссии было включено по два представителя крестьян от волости с правом совещательного голоса и присутствия при производстве комиссией расследования, причем производящий расследование обязан был отвечать в соответствующих протоколах и актах о пожеланиях представителей волости и удовлетворять их, если они не противоречили закону и могли быть выполнены без ущерба для дела.

Расследование дела производилось одним из членов комиссии на правах военного следователя, но без тех формальностей, кои установлены в законе при производстве предварительного следствия. Конечно, при такой конструкции допускалось некоторое смешение следственных и чисто судебных функций, но в условиях работы комиссий, которые должны были обладать всей полнотой власти и независимостью и в то же время действовать скоро и решительно, этот недостаток был неизбежен. Однако член комиссии, производящий расследование, не мог участвовать в постановлении по данному делу приговора по существу. При рассмотрении дел военно-судные комиссии должны были руководствоваться правилами о военно-полевых судах. Приговоры утверждались соответствующими военными начальниками. В случае несогласия последних с приговором дело передавалось в корпусный или военно-окружной суд.

Военно-судные комиссии за все время нашей борьбы в Крыму оказали правительству огромную помощь в борьбе с всевозможными злоупотреблениями, разъедавшими армию. Грабежи войск прекратились почти совершенно. Об этом свидетельствовал ряд беспристрастных очевидцев, целый ряд приговоров сельских сходов, обращавшихся ко мне с благодарностью за учреждение комиссий, избавивших население от грабежей и разбоев, красноречивее всяких слов свидетельствовавшей об их значении. Даже та часть крымской прессы, которая первоначально высказывалась про-

тив военно-судных комиссий, вынуждена была впоследствии признать их полезное значение.

Рядом приказов были изъяты из ведения военно-полевых судов дела о несовершеннолетних от десяти- до семнадцати-летнего возраста и исполнение приговора над присужденными к смертной казни предписывалось не производить публично. При общем огрубении нравов публичное приведение приговоров в исполнение мало устрашало, вызывая лишь еще большее нравственное отупение.

Наше политическое положение продолжало оставаться неопределенным. Тем временем переговоры поляков с большевиками были прерваны, польские войска перешли в наступление и теснили красных по всему фронту. Последние спешно сосредоточивали на западном фронте все свои силы. Падение Крыма развязало бы красному командованию руки, давая возможность сосредоточить все усилия против поляков. Это, конечно, учитывала Франция, неизменно поддерживавшая Польшу. Французское правительство не могло сочувствовать политике англичан. По моему поручению, Струве телеграфировал нашему послу в Париже В.А. Маклакову⁶¹ просьбу выяснить взгляды французского правительства.

В половине апреля большевики перешли против наших кавказских частей в наступление и заняли Сочи. Командующий Кубанской армией генерал Морозов⁶² и некоторые члены рады вступили 17 апреля, с согласия генерала Букретова, в переговоры с большевиками.

Получив об этом сведения, я приказал спешно выслать в порт Адлер весь свободный тоннаж и обратился к адмиралу Де-Робеку с просьбой помочь английским флотом. Туда же выехал генерал Шкуро, на коего я возложил поручение принять для перевозки в Крым те части, начальники которых не пожелали бы вступить в переговоры с большевиками. Погрузка производилась в весьма трудных условиях с лодок. Грузились как на русские транспорты, так и на английские военные корабли. Лошадей, орудия и пулеметы пришлось бросить. Так как при эвакуации Новороссийска в Крым попали одни донцы, то я приказал теперь в первую голову грузить кубанцев.

Генерал Букретов, генерал Морозов, члены кубанского правительства и рады убеждали офицеров и казаков, что Крым ловушка и что через несколько дней части армии в Крыму вынуждены будут капитулировать.

19 апреля погрузка закончилась, и корабли отошли в Крым. Большая часть кубанцев сдалась, незначительная часть ушла в горы, остальные были погружены; погрузилась и большая часть донских полков и Терско-Астраханская бригада.

Сам генерал Букретов, сложив с себя звание кубанского атамана и передав атаманскую булаву, согласно кубанской конституции, председателю кубанского правительства, инженеру Иванису, бежал в Грузию. За ним последовали члены Кубанской рады – самостийники, захватив с собой часть

кубанской казны.

21 апреля части с Кавказского побережья прибыли в Феодосию. Я через день приехал туда, смотрел полки, беседовал с офицерами. Большинство офицеров и казаков были мои старые соратники, сражавшиеся под моим начальством на Северном Кавказе и под Царицыном. В Крым прибыли наиболее сильные духом, изверившиеся и малодушные остались на Черноморском побережье. Прибывшие офицеры и казаки негодовали на предательство атамана и самостийных членов рады. Я был уверен что, очистившись от малодушных, находясь вне тлетворной работы демагогической рады и поставленные под начальство крепких духом офицеров, отдохнув и пополнившись всем необходимым, прибывшие казачьи полки вновь станут теми прекрасными частями, которые неизменно били врага на Северном Кавказе и в Задонье.

Донские части направлялись в Евпаторию, где должны были войти в состав Донского корпуса. Кубанские части я наметил свести в дивизию. Во главе Кубанской дивизии и приданной ей бригады терцев-астраханцев я поставил доблестного генерала Бабиева.

Бабиев был один из наиболее блестящих кавалерийских генералов на Юге России. Совершенно исключительного мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерами и казаками, он, командуя полком, бригадой и дивизией, неизменно одерживал блестящие победы. Его конные атаки всегда вносили смятение в

ряды врага. За время Великой войны и междоусобной брани, находясь постоянно в самых опасных местах, генерал Баби-ев получил девятнадцать ран. Правая рука его была сведена, однако, несмотря на все ранения, его не знающий удержав порыв остался прежним. Горячий русский патриот, он с величайшим негодованием относился к предательской работе казачьих самостийников. Я мог быть спокоен за те части, во главе которых он стоял.

За несколько дней до поездки в Феодосию я смотрел в Евпатории полки Донского корпуса. Во главе корпуса теперь стоял генерал Абрамов, высокой доблести, неподкупной честности, большой твердости и исключительного такта начальник. Донец по рождению, офицер Генерального штаба по образованию, командовавший до революции регулярной дивизией, долгое время исполнявший должность генерал-квартирмейстера в одной из армий, командовавший на Юге России гвардейской казачьей бригадой, генерал Абрамов пользовался заслуженным уважением всей армии. Став во главе корпуса, он твердой рукой наводил порядки. Сменил целый ряд начальников, подтянул офицеров и казаков. Я не сомневался, что ему удастся в самое короткое время привести корпус в порядок и вернуть ему прежнюю боеспособность.

Тогда же из Евпатории проехал я на фронт, где видел части Крымского и Добровольческого корпусов. Намеченная мною перегруппировка закончилась. Крымский корпус

был эшелонирован на Сальковском направлении вдоль линии железной дороги, добровольцы сосредоточились на Перекопском направлении. Юнкерские училища, дравшиеся в составе войск генерала Слащева, были выделены, и юноши, многие почти мальчики, жизни которых были столь дороги будущей России, получили возможность учиться. Части на фронте, успевшие поотдохнуть, почиститься и приодеться, имели бодрый, веселый вид. Работы по укреплению позиций шли полным ходом. Рылись окопы, строились пулеметные гнезда, позиции заплетались проволокой. Кипела работа и по постройке тыловых укреплений, лихорадочно строился Юшуньский подъездной путь. Руководивший работами генерал Юзефович для ускорения работ по постройке железной дороги использовал целый ряд подъездных путей, имеющих второстепенное значение, перевозя разобранные шпалы и рельсы на новую дорогу.

Дисциплина в тылу, особенно в крупных городах, также значительно поднялась. Я неуклонно требовал от начальников гарнизонов самых решительных мер против разнузданности и разгильдяйства воинских чинов в тылу, требовал, чтобы все боеспособные без уважительных причин не оставляли бы своих частей, чтобы все выздоровевшие немедленно отправлялись из лазаретов на фронт; настаивал на соблюдении установленной формы одежды.

В середине апреля я сменил коменданта Севастопольской крепости. Новым комендантом был назначен генерал Писа-

рев⁶³, хорошо мне известный по деятельности его в Кавказской армии, где он командовал корпусом. При нем Севастополь сразу подтянулся. В конце мая генерал Писарев был назначен мною командиром Сводного корпуса, в состав которого вошли Кубанская дивизия и бригада туземцев, выделенная из состава Крымского корпуса. Генерала Писарева заменил генерал Стогов, остававшийся в должности коменданта до конца борьбы в Крыму.

Пришлось заменить и командующего флотом адмирала Герасимова, прекрасного человека, но мягкого и недостаточно решительного. 19 апреля командующим флотом и начальником морского управления был назначен вице-адмирал Саблин.

28 апреля я отдал приказ о наименовании впредь армии «Русской». Соответственно с этим, корпуса должны были именоваться армейские – по номерам, казачьи – по соответствующему войску.

Название «Добровольческая» переносилось с Добровольческой армии и на политику ее руководителей. Оно перестало быть достоянием определенных воинских частей, оно стало нарицательным для всего возглавляемого генералом Деникиным движения. «Добровольческая политика», «добровольческая печать», «добровольческие власти» стали ходячими формулами. Славное в прошлом, связанное с первыми шагами героической борьбы генералов Алексеева и Корнилова «добровольчество», название столь дорогое для всех

участников этой борьбы, потеряло со временем свое прежнее обаяние. Несостоятельная политика генерала Деникина и его ближайших помощников, недостойное поведение засоривших армию преступных элементов, пагубная борьба между главным «добровольческим» командованием и казачеством — все это уронило в глазах населения и самой армии звание «добровольца».

Из двух сражавшихся в России армий, конечно, право называться Русской принадлежало той, в рядах которой сражались все те, кто среди развала и смуты остался верным родному национальному знамени, кто отдал все за счастье и честь Родины. Не могла же почитаться Русской та армия, вожди которой заменили трехцветное русское знамя красным и слово «Россия» — словом «интернационал»...

Конечно, и в рядах Красной армии было немало русских честных людей. В настоящее время Красная армия по составу своему была уже не та, как два года тому назад. Во время борьбы на Северном Кавказе в рядах большевистских войск стояло все то мутное, что вынесла на гребне своем революция, все те худшие элементы, которые разложили и развратили Русскую армию. Такому врагу не могло быть пощады. По мере развития нашей борьбы обе стороны вынуждены были прибегать к мобилизации, и в ряды красных войск попадали такие же воины, как те, которые сражались в наших рядах. Присутствие их на той или иной стороне большей частью зависело от случайных географических причин.

Этого не учел мой предшественник. Его односторонняя, непримиримая политика преследовала не только всех инакомыслящих, но и всех тех, кто случайно оказывался прикосновенным к любому делу, враждебному или просто недостаточно дружественному добровольческому. Преследованию подвергались не только те, кто так или иначе, вольно или невольно был прикосновенен к большевикам, но и к Украине, к Грузинской республике и пр. Неумная и жестокая политика вызывала ответную реакцию, отталкивала тех, кто готов был стать нашим союзником, и превращала искавших нашей дружбы во врагов. Мы несли с собой не мир и прощение, а жестокий карающий меч. Тысячи офицеров, видевших в нас своих избавителей, переходя к нам, попадали под политическое подозрение и томились под следствием. Такое же отношение было и к гражданскому населению во вновь занимаемых нами областях. Под подозрение попадали и преследованию подвергались и те, вся вина которых состояла в том, что они под угрозами вынуждены были предоставить перевозочные средства для подвоза провианта красным войскам, или те, кто, умирая с голода, служил писцом в потребительской лавке или телеграфной конторе.

Приказом от 29 апреля я освободил от всяких наказаний и ограничений по службе всех офицеров и солдат, если они сдались и перешли на нашу сторону, безразлично до сражения или во время боев, а равно и всех служивших ранее в советской армии и по добровольном прибытии в войска Воору-

женных сил на Юге России, подвергшихся наказаниям или ограничениям по службе, восстановив их в правах и преимуществах, выслуженных до 1 декабря 1917 года. Равным образом были освобождены от всякого наказания и ограничения по службе все офицеры и солдаты, ранее служившие в новых образованиях (Украина, Грузия) и подвергшиеся за это карам и ограничениям. Всем таким лицам возвращались их служебные преимущества.

Приказом от 8 июня все эти льготы распространены были на чинов гражданских управлений и учреждений. В 20-х числах мая я обратился с воззванием к офицерам Красной армии:

«Офицеры Красной армии!

Я, генерал Врангель, стал во главе остатков Русской армии – не красной, а русской, еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой служили когда-то и многие из вас.

Русское офицерство искони верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг, Русская армия открыла фронт врагу, и обезумевший народ стал жечь и грабить родную землю.

Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братской кровью лежит перед нами Мать-Россия...

Три ужасных года оставшиеся верными старым заветам офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и сча-

стве Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели вы, бывшие офицеры непобедимой Русской армии...

Что привело вас на этот позорный путь? Что заставило вас поднять руку на старых соратников и однополчан?

Я говорил с многими из вас, добровольно оставившими ряды Красной армии. Все они говорили, что смертельный ужас, голод и страх за близких толкнули их на службу красной нечисти. Мало сильных людей, способных на величие духа и на самоотречение... Многие говорили мне, что в глубине души сознали ужас своего падения, но тот же страх перед наказанием удерживал их от возвращения к нам.

Я хочу верить, что среди вас, красные офицеры, есть еще честные люди, что любовь к Родине еще не угасла в ваших сердцах.

Я зову вас идти к нам, чтобы вы смыли с себя пятно позора, чтобы вы стали вновь в ряды Русской, настоящей армии.

Я, генерал Врангель, ныне стоящий во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю вам забвение прошлого и предоставляю возможность искупить ваш грех.

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России,
генерал *Врангель*».

Воззвание это было приказано широко распространить

среди противника, направляя за фронт через наших агентов, сбрасывая с аэропланов и т. п.

Весьма озабочен был я и облегчением тяжелого положения служащих военного и гражданского ведомств. При беспрестанном вздорожании жизни их положение, особенно семейных, было невыносимо тяжело. Целым рядом приказов денежные отпуска были увеличены, были намечены отпуска для семей, главы которых оставались в неизвестном отсутствии, остались при эвакуации Одессы и Новороссийска, попали в плен и т. п.

Вместе с тем производилось усиленное сокращение штатов, непомерно разросшихся, был принят ряд мер по улучшению налоговой системы, повышены акцизные, таможенные и другие пошлины.

Однако наш рубль продолжал стремительно падать. Маленькая территория Крыма, конечно, не могла кормить армию. Вывоза не было, потребление значительно превышало предложение. Начальник финансового управления Бернацкий справедливо полагал, что поднять ценность рубля может лишь внешний заем, однако в настоящих условиях на такой заем едва ли можно было рассчитывать. Тем не менее с целью выяснить все возможности М.В. Бернацкий 28 апреля выехал в Париж.

В связи с вздорожанием жизни становилось тяжелым положение и всего городского населения, в том числе и рабочих. Враждебные нам силы это, конечно, использовали, за

последние дни среди рабочих в севастопольских портовых заводах стало заметно брожение, готовилась забастовка. Последняя поставила бы нас в самое тяжелое положение, на заводах велась лихорадочная работа по исправлению орудий, пулеметов, аэропланов, броневых машин, по заготовке авиационных бомб, шанцевого инструмента и т. п.

В Севастополе, кроме лейб-казацкого полка, других сил не было. Я решил лично переговорить с рабочими, вызвал выборных к себе и долго с ними беседовал. Я указал им, что еще 9 апреля советом начальников управлений при мне намечено рассмотреть вопрос о возможности прийти на помощь рабочим и что в настоящее время комиссией, рассматривающей этот вопрос, уже намечено повышение поденной платы чернорабочих до сравнения ее с соответствующей оплатой труда низших служащих в правительственных учреждениях, причем в дальнейшем плата будет повышаться в соответствии и одновременно с увеличением содержания низших служащих в тех же учреждениях. Устанавливаемая, таким образом, плата должна приниматься за основание при установлении оплаты труда квалифицированных рабочих. Из свободных от назначения на фронт предметов обмундирования и продовольственных запасов рабочим будут выдаваться в счет заработной платы по интендантской цене, установленной для военнослужащих, предметы обмундирования с рассрочкой платежа на двенадцать месяцев и интендантский паек натурой, первоначально в половинном раз-

мере. В городах и пунктах пребывания рабочих было наметчено открыть особые казенные потребительские лавки, сосредоточив в них из казенных запасов возможное количество продовольственных продуктов, мануфактуры и других предметов домашнего обихода, и снабжать ими рабочих по льготным ценам в размере до десяти процентов месячной заработной платы. В первую голову приказано было открыть две такие лавки в Севастополе. В заключение я, указав рабочим на тяжелое положение государственного казначейства и скудость имеющихся запасов, выразил уверенность, что они оценят то, что делает для них армия, делясь с ними последним, и со своей стороны помогут ей своей работой.

Рабочие ушли, видимо очень удовлетворенные. Забастовка не состоялась, и дальнейшие попытки к агитации успеха не имели.

* * *

Приказом моим от 27 апреля управление юстиции, входившее в состав гражданского управления, выделено было в самостоятельное ведомство. Во главе управления юстиции поставлен был сенатор Н.Н. Таганцев, остававшийся на этом посту во все время нашей борьбы в Крыму. Разумный, тактичный человек, он оказался на высоте положения.

Постепенно лицо новой власти открывалось, и население убеждалось, что это лицо страшно лишь для преступников

и изменников. Доверие к власти росло. Ярким показателем этого явилось значительное увеличение, несмотря на постоянное вздорожание жизни, притоков вкладов в ссудосберегательные кассы.

20 мая опубликовано было воззвание к русским людям.

«ВОЗЗВАНИЕ

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал *Врангель*».

Перед наступлением

С самых первых дней приезда в Крым я работал ежедневно десять—двенадцать часов, требуя такой же работы и от своих сотрудников.

Мой день начинался с семи часов утра; с восьми открывался прием начальника штаба, командующего флотом, начальника военного управления, представлявшихся лиц и просителей. Прием продолжался до часу дня, когда я обедал. С двух до пяти принимал доклады прочих начальников управлений, а с шести до восьми, до ужина, почти ежедневно назначал прием тем или другим прибывающим в Севастополь лицам, с которыми хотел побеседовать более подробно, начальникам союзнических миссий и т. д. В редкие дни, когда перед ужином находился свободный час, я с адъютантом делал прогулку по городу, осматривая лазареты, общежития. Вечером я или присутствовал на заседании совета начальников управлений, или прочитывал доклады, или отвечал на многочисленные письма. Ложился не ранее одиннадцати—двенадцати часов.

Первые несколько недель было особенно много посетителей. Многие обращались по самым незначительным вопросам, подчас с самыми вздорными просьбами. Дважды пришлось иметь беседу с психическими больными.

Однажды мне доложили, что в числе записавшихся на

прием имеется инженер-механик флота, желающий доложить мне о сделанном им изобретении, могущем иметь большое значение в настоящих условиях войны. Изобретатель не считал возможным ознакомить со своим секретом кого-либо другого, кроме Главнокомандующего. Я принял его. Это был молодой еще человек, симпатичный, с болезненным лицом. Он, видимо, несколько волновался. Я предложил ему сесть, сказал, что слышал о его изобретении и желал бы знать, в чем оно заключается.

«Ваше превосходительство, я не позволил бы себе беспокоить вас, ежели бы не думал, что мое изобретение может быть вам полезно, особенно теперь, когда вам должно быть так трудно, кругом предательство и измена, ни на кого положиться нельзя. И вот тот простой прибор, который я изобрел, может оказать вам огромную услугу. Прибор этот нечто вроде компаса. Вы можете незаметно закрепить его в вашем письменном столе. Вы ведете беседу с каким-либо лицом, и это лицо вам мало известно. Вы незаметно нажимаете кнопку прибора, и стрелка автоматически укажет вам на циферблате, кто именно перед вами – германофил или приверженец Антанты, большевик, кадет или монархист. У меня тут и чертежи прибора...» Он стал раскладывать свою папку...

Другой раз в числе представлявшихся принимал я заведующего одним из офицерских кооперативов, старичка, отставного полковника. Он весьма дельно и подробно доложил мне о своем деле. Я обещал помочь и, отпуская его, спросил,

где раньше он служил.

— Последнее время в Петрограде я состоял воспитателем корпуса. — Он назвал один из корпусов. — Имел счастье лично показывать Наследнику Цесаревичу наш музей. — Он помолчал, затем, наклонившись к моему уху, таинственно прошептал: — А как Он вырос теперь, ваше превосходительство, я Его последний раз и не узнал совсем, выше меня ростом стал. Здоровый, веселый, да и Государь Император и Великие княжны, слава Богу, выглядели хорошо.

— Где и когда видели вы в последний раз Царскую Семью?
— Да как же, в прошлом году в Ростове. Иду по Садовой, смотрю, Государь в штатском, я Его едва узнал, поздоровался со мной, потом я у Них несколько раз бывал — видел и Государя, и Императрицу, и Царских Детей.

С трудом удалось перевести беседу на другой вопрос. Как только разговор коснулся другой темы, полковник вновь стал рассуждать вполне разумно.

Разбитые поляками 12-я, 15-я и 16-я советские армии продолжали отходить по всему фронту, почти не оказывая сопротивления. В течение нескольких недель поляки, при содействии украинских петлюровских формирований, очистили огромную территорию вплоть до Полоцка на Западной Двине, до верхнего течения Днепра, Киевский район и значительную часть Правобережной Украины. Все резервы красного командования бросались на Западный фронт для спасения катастрофического положения. Туда, главным об-

разом, направлялась конница. С Кавказа переброшена была 1-я конная армия товарища Буденного, наиболее сильная конная часть красных армий. Даже с Крымского фронта была снята единственная кавалерийская дивизия, 8-я червонного казачества, брошенная на юго-западный участок Польского фронта. Железнодорожные пути на Юге России, после отхода наших армий, еще не были возобновлены, и переброска красных частей производилась медленно, походным порядком. Вместе с тем овладение нами выходами из Крыма показало, что остатки Русской Армии не потеряли свою боеспособность. Напряженная работа по возрождению армии и восстановлению порядка в Крыму не могла ускользнуть от внимания красного командования, и, несмотря на то что все усилия свои оно вынуждено было направлять на борьбу с поляками, оно не могло оставить без внимания и угрозу со стороны Крыма. Еще в апреле в резерв 13-й армии прибыла из Екатеринославского района 52-я стрелковая дивизия, занявшая в конце апреля боевой участок к западу от Перекопа. На участок севернее Сиваша прибыла 124-я бригада 42-й стрелковой дивизии. Две другие бригады этой дивизии были временно задержаны для подавления движения повстанцев под начальством батьки Махно, еще недавно сражавшегося против наших войск, теперь ведущего беспощадную борьбу с большевиками.

В конце апреля в 13-ю армию переброшена была с Сибирского фронта из бывшей 3-й советской армии 85-я бригада

29-й стрелковой дивизии. Благодаря прибывшим частям и влитым пополнениям к маю месяцу в боевом составе 13-й советской армии числилось вновь до 12 000 штыков и 8000 сабель.

Во главе 13-й армии поставлен был подполковник Генерального штаба латыш Паука. По всему фронту армии большевики производили усиленные фортификационные работы. Укрепленные позиции усиливались большим количеством артиллерии. Поступали сведения о налаживании большевиками ближайшего тыла 13-й армии и упорядочении железнодорожного сообщения в прифронтовой полосе.

Русская Армия к маю месяцу уже представляла серьезную силу. Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловых частях достигла 40 000 человек. Все боеспособное было влито в строй. Материальная часть приведена в порядок. Мы располагали десятью танками, двадцатью аэропланами, правда весьма несовременными, самого разнообразного типа. Работы по укреплению позиций на всем фронте значительно подвинулись. Войска успели отдохнуть и оправиться. Во всех частях велись усиленные строевые занятия.

Общая стратегическая обстановка начинала складываться для нас благоприятно. Мы не только могли быть временно спокойны за участь Крыма, но могли вновь помериться с врагом.

Тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды Северной

Таврии представлялся жизненно необходимым. Наши успехи должны были отразиться благоприятно и на нашем политическом положении.

В начале мая был окончательно разработан план летней кампании. Он сводился к следующему:

1. Выдвижение Русской Армии на линию Бердянск –ологи – Александровск и Днепр.
2. Операции по овладению Таманским полуостровом, с целью создать на Кубани новый очаг борьбы.
3. Выдвижение на линию Ростов – Таганрог – Донецкий каменноугольный район – станция Гришино – станция Синельниково.
4. Очищение от красных Дона и Кубани (казаки должны были дать живую силу для продолжения борьбы).
5. Бесперывные укрепления Крымских перешейков (доведение укреплений до крепостного типа).
6. Создание в Крыму базы для Вооруженных сил Юга России.

30 апреля была объявлена обязательная поставка четырех тысяч лошадей за установленную плату, для чего Крым делился на пять районов, соответственно его уездам. Прием производился особыми ремонтными комиссиями по одной на каждый район. Поставленными лошадьми удалось запрячь артиллерию и часть обозов и посадить на коней один кавалерийский полк в четыреста коней.

15 мая была объявлена мобилизация родившихся в 1900–

1901 годах.

Боевые награды во все времена и у всех народов являлись одним из стимулов, побуждающих воинов к подвигам. Нельзя было отрицать значения боевых наград и в той борьбе, которая велась во имя идеи, в основу которой легли высшие человеческие побуждения. В армиях адмирала Колчака, генерала Деникина, генерала Юденича подвиги отмечались боевыми наградами. Солдаты, а в некоторых из этих армий и офицеры награждались боевыми орденами, а в армиях адмирала Колчака даже орденом Святого Георгия. За боевые отличия офицеры производились в старшие чины. В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При непрерывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов, и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий. Награждение подвигов, совершенных в междоусобной брани, общероссийскими орденами, коими доселе награждались подвиги в борьбе с внешним врагом, представлялось едва ли уместным.

Приказом от 30 апреля мною был учрежден орден во имя Святителя Николая Чудотворца в виде черного металлического креста с изображением Святителя Николая и надпи-

сю «Верую спасется Россия» на трехцветной национальной ленте.

Определение подвигов и лиц, достойных награждения орденом Святого Николая Чудотворца, возлагалось на орденскую следственную комиссию и на кавалерскую думу ордена.

В предвидении возобновления военных операций и придавая в связи с этим исключительное значение вопросам железнодорожных перебросок и правильному обслуживанию войск железнодорожной сетью, я объединил все железнодорожное дело в руках начальника военных сообщений, каковая мера впоследствии оказалась весьма удачной.

Одновременно с мероприятиями военного характера был проведен ряд мер по гражданскому управлению.

11 мая объявлено было «Временное положение о начальниках гражданской части при командирах корпусов». Это положение обеспечивало впредь во вновь освобожденных местностях правильную организацию гражданского аппарата тотчас по занятии местности нашими войсками, и ставился предел самовольным полномочным распоряжениям войсковых начальников, действовавших вразброд каждый по собственному усмотрению при полном неведении дела. Отныне гражданское управление во вновь освобожденных местностях вверялось командирам корпусов через состоящих при них начальниках гражданской части, с правами губернатора. Начальник гражданской части, подчиненный, в порядке управления своего района, непосредственно коман-

диру корпуса, должен был получать общие руководящие указания от начальника гражданского управления. Он объединял деятельность начальников уездов в пределах корпусных районов с подчиненными им чинами сельской и городской стражи, начальников участков и волостных надзирателей и формировал через начальников уезда во вновь занятых городах и селениях городскую и сельскую стражу. При начальнике гражданской части состояли уполномоченные управлений финансов, юстиции, снабжения и отдела земледелия, исполнявшие его задания в пределах своего ведомства, на основании руководящих указаний, получаемых от начальников подлежащих управлений. Это мероприятие оказалось весьма удачным и в дальнейшем в полной мере оправдало себя.

Существенным образом реорганизовано было сыскное дело. Уголовный розыск был отделен от государственно-политического и получил возможность заняться прямым своим делом — борьбой с уголовной преступностью. За преступления уголовные и государственные в настоящих условиях виновные могли быть подвержены или высшей мере наказания — смертной казни, или заключению в тюрьме. Другие меры наказания не могли быть применены. Число тюрем было весьма ограничено и не могло вместить всех осужденных. Осужденные преступники продолжали оставаться в домах предварительного заключения, переполняя их до крайности, требуя значительной охраны и поглощая большие средства. Отбросы общества жили тунеядцами за счет страны, в то

время как вся страна терпела неопишемые лишения, ведя борьбу за Родину.

Приказом моим от 11 мая была установлена мера административного характера – высылка в Советскую Россию лиц, избличенных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжелого экономического положения края и пр. Приказ этот был выработан военным и морским судным отделом. Право высылки предоставлено было губернаторам и комендантам крепостей, причем требовалось обязательное производство дознания и заключение по последнему прокурорского надзора.

Весьма досадовал я на поднятый в печати шум вокруг вопроса о возвращении в Крым русских беженцев новороссийской и одесской эвакуации. Некоторые из них попали за границы в весьма тяжелые условия. Особенно тяжело было положение на пустынном острове Лемнос, где среди детей была большая смертность. Оттуда писались отчаянные письма, вызывая справедливую тревогу близких.

Русские люди склонны быстро переходить от отчаяния к радужным надеждам. Те, кто недавно еще видел в Крыму могилу, ныне считал его неприступной крепостью. Ежедневно сыпалось бесконечное число ходатайств и петиций о возвращении тех или других лиц в Крым. Столбцы газет пестрели статьями под заглавиями: «Верните нам наши семьи», «Вернуть их обратно» и т. д.

Отлично понимая, что офицер или чиновник не может

спокойно нести службу, постоянно болея душой за близких ему лиц, я, в то же время отдавая себе отчет в том, что положение наше не может почитаться обеспеченным, и учитывая, что с приездом новых партий беженцев в Крым тяжелое положение страны еще усилится, всячески оттягивал разрешение этого вопроса.

Жизнь в тылу постепенно налаживалась, стали прибывать иностранные товары, открывались магазины, театры, кинематографы. Севастополь подчистился и подтянулся. Военские чины на улицах были одеты опрятно, тщательно отдавали честь.

В начале мая как в Севастополе, так и в других городах появились случаи холеры. В середине месяца число заболеваний увеличилось, и в Севастополе достигало двадцати – двадцати пяти случаев в день. Я приказал во всех частях армии, в военных и гражданских управлениях и учреждениях, а затем и в городских участках произвести холерные прививки. Начальник санитарной части доктор Лукашевич решительно взялся за дело, и эпидемия не получила широкого распространения.

В конце апреля я дал несколько обедов представителям иностранных миссий – английской, французской, американской, японской, сербской и польской – и принял приглашения на обеды английской, французской и японской миссий. С представителями всех миссий без исключения установились наилучшие отношения. В разговорах с ними я неизмен-

но подчеркивал значение нашей борьбы не только для самой России, но и для всей Европы, указывал, что угроза мирового большевизма не изжита, что, доколе в Москве будут сидеть представители интернационала, ставящие себе задачей зажечь мировой пожар, спокойствия в Европе быть не может. Не может быть и экономического равновесия, пока с мирового рынка будет выброшена шестая часть света.

На изменение политики Великобритании рассчитывать не приходилось, мы могли искать поддержки лишь в правительстве Франции и, может быть, Америки. С целью получения поддержки этих стран я предпринимал шаги и в Севастополе, и в Париже.

29 апреля (12 мая) военный представитель в Константинополе генерал Лукомский писал по моему поручению нашему дипломатическому представителю А.А. Нератову: «Главнокомандующий полагает, что нам надлежит всемерно использовать отмечаемое за последнее время благоприятное отношение к нам американцев. Главнокомандующий рассчитывает как на дипломатическую, так в будущем и на финансовую поддержку С.-А. Соединенных Штатов. Сообщая Вам об изложенном, я полагал бы весьма желательным, чтобы Вы сообщили о вышеприведенном мнении нашему послу в Париже».

Принимая все меры для обеспечения дальнейшей борьбы, я ни один день не забывал о необходимости обеспечить возможность эвакуации армии и населения на случай неудачи.

Решив в ближайшее время перейти в наступление, я хотел заблаговременно принять меры против несомненных попыток англичан нам в этом помешать и одновременно, в случае успеха, использовать его с целью получения дальнейшей поддержки Франции. Я просил П.Б. Струве проехать в Париж.

2 мая прибыл в Севастополь командующий английским оккупационным корпусом генерал Мильн. Он посетил меня. Его посещение, по его словам, имело специальной целью ознакомиться с той громадной работой по реорганизации армии и устройства тыла в Крыму, о коей он был осведомлен через своих агентов. Личные впечатления его в Севастополе, как он говорил, это полностью подтвердили.

Он просил меня указать, не испытываю ли я нужду в каких-либо предметах боевого снаряжения, и выразил полную готовность сделать все от него зависящее для ее удовлетворения. Я благодарил за предложение и сказал, что в настоящую минуту особенно нуждаюсь в бензине для боевых машин и рельсах для проведения ветки к Бешуйским копям, разработка коих облегчит острую нужду в угле. Генерал Мильн отдал тут же распоряжение об отпуске бензина из Батума и предложил воспользоваться для получения рельсов старым русским имуществом, оставшимся в Трапезунде. На замечание мое, что в Трапезунде могут встретиться затруднения со стороны турок, генерал Мильн предложил послать с нашим транспортом английский броненосец для прикры-

тия погрузки.

В дальнейшей беседе я вскользь упомянул о тяжелом экономическом положении Крыма. Великобританское правительство, взяв на себя инициативу переговоров с большевиками, до сего времени никаких существенных результатов не достигло. Дальнейшее пребывание в Крыму грозит армии и населению голодом. При этих условиях я не вижу другой возможности, как попытаться расширить занятую нами территорию. Генерал Мильн, видимо, весьма заинтересовался моими словами и пытался выяснить мои дальнейшие намерения, однако я от продолжения разговора уклонился.

В то время как англичане продолжали искать сближения с советским правительством и настаивать на прекращении нашей борьбы, французское правительство, неизменно поддерживая Польшу, стояло на противоположной точке зрения. В разговоре со мной, Струве и князем Трубецким генерал Манжен неоднократно выдвигал вопрос о возможности согласования наших действий с действиями польско-украинских войск.

20 мая прибыл Александр Васильевич Кривошеин. Я не ошибся в нем. Он оставил семью, прочно материально обеспеченную службу, удобную и спокойную жизнь в Париже и, не колеблясь, прибыл туда, куда его звал долг. Правда, он заявил мне, что не предполагает окончательно оставаться в Крыму, что хочет осмотреться, разобраться в положении и готов помочь мне советом, после чего намерен вернуться к

семье. Однако, зная его, я не сомневался, что работа его захватит и что он, войдя в нее, от нее не отойдет.

В последних переговорах генерал Перси проявил исключительное благородство. А.В. Кривошеин, перед отъездом своим из Парижа, имел ряд собеседований с представителями французского правительства. С некоторыми из них он был связан старыми дружескими отношениями. Результатом этих переговоров был обмен письмами между А.В. Кривошеиным и товарищем министра иностранных дел М. Палеологом. Имел А. В. Кривошеин и ряд собеседований с русскими общественными и политическими деятелями: старшиной русского дипломатического представительства М.Н. Бирсом⁶⁴, В.А. Маклаковым, назначенным при Временном правительстве послом в Париже, князем Львовым, А.И. Гучковым, бароном Нольде, П.Н. Милюковым, Аджемовым и др. За исключением Гучкова, все горячо отговаривали Александра Васильевича связывать себя с безнадежным делом в Крыму.

Милюковым и его партийными товарищами выдвигалась мысль, что ввиду ничтожности того клочка русской земли, где ведется ныне борьба, глава русских белых сил не может говорить от имени национальной России. Он должен быть лишь главою белых войск; представительство русского национального дела за границей должен взять на себя орган из общественно-политических деятелей, причем этот орган, естественно, должен находиться в Париже, центре европей-

ской политики.

При этих условиях согласие Кривошеина стать моим помощником, естественно, ослабляло их позицию. Авторитет Кривошеина в иностранных кругах был значителен. Его личное участие в нашем деле должно было в глазах иностранцев подчеркнуть значение этого дела. А это не было на руку тем, кто только себя считал «солью земли русской». «Вы единственный государственный деятель, авторитет которого признается всеми без различия партиями, ваша работа необходима для будущей России; связав себя с безнадежным делом генерала Врангеля, граничащим с авантюрой, вы навеки будете потеряны для России...» – убеждал А. В. Кривошеина Милюков.

Александр Васильевич перед своим отъездом повидал в Париже массу людей, почти все считали нашу борьбу окончательно проигранной, не верили в возможность ее продолжения, готовы были считать всю предшествовавшую борьбу бесцельной. Умудренный жизненным опытом, знающий сердца людей, Кривошеин понимал, что после первых успехов все малодушные вновь пойдут за армией. Учитывал он в полной мере и то значение, которое мог бы иметь наш хотя бы кратковременный успех на отношение к нам иностранных правительств, и в частности Франции. В то же время, ознакомленный мною во всех подробностях с нашим военным положением и готовившейся наступательной операцией, ожидая от нее в случае успеха многого, Александр Васи-

льевич, видимо, боялся верить в этот успех, опасался неудачи и предостерегал меня от опасности риска.

Начало наступления было назначено на 25 мая. 21-го я выезжал в Феодосию, где должен был грузиться назначенный в десант корпус генерала Слащева.

Учитывая то исключительное значение, которое предавалось земельному вопросу и войсками и населением, я считал необходимым обнародование закона о земле одновременно с переходом войск в наступление. Александр Васильевич эти соображения разделял и, ознакомившись с проектом закона, не возражал против него и по существу, указывая, однако, на много погрешностей в изложении и настаивая, как я упоминал выше, на опубликовании его в форме приказа.

Он сам составил и сопровождавшее приказ правительственное сообщение.

21 мая английские войска праздновали день рождения своего Короля. Генерал Перси просил меня принять парад английских моряков и морской пехоты. Парад происходил на Историческом бульваре. Отлично, щеголевато одетые, рослые, здоровые люди производили прекрасное впечатление. После парада я выехал в Феодосию.

Два месяца тому назад я прибыл в Крым. Волна красной нечисти готова была захлестнуть последнюю пядь русской земли, где, прижатые к морю, ждали ежечасно конца десятки тысяч русских людей. Два года боровшиеся за счастье родины остатки армии раздирались внутренними распрями,

утратили веру в своих вождей, потеряли воинский облик. Объятые ужасом, оборванные и голодные, молили о помощи толпы обывателей – стариков, женщин и детей. Смерть протягивала над ними свою костлявую руку.

Прошло два месяца, и вновь сплотились вокруг родного знамени русские воины, вновь гордо взвился из праха трехцветный флаг, ошетинились стальной щетиной полки, грудью своей прикрыли родную землю, готовые возобновить борьбу за ее свободу. Под их защитой вздохнуло население, отчаяние сменилось надеждой, горячая любовь к родине охватила сердца. И вместо костлявого призрака смерти вставал лучезарный образ победы.

Вперед

К 25 мая перед фронтом Русской Армии стояли следующие части противника: Латышская, 3-я, 46-я, 52-я стрелковые дивизии, 85-я бригада 29-й стрелковой дивизии, 124-я бригада 42-й стрелковой дивизии, 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова (прибывшая с Кубани из бывшего корпуса Думенко перед самым нашим наступлением и предназначенная на Польский фронт), запасная кавалерийская бригада Федотова из частей управления формирований 1-й конной армии Буденного и отдельные мелкие отряды (полковника Льва Каменева, особый отряд крымского ревкома, карательный отряд, караульный батальон и т. д.). Общая численность противника составляла 15–16 тысяч штыков, 3–4 тысячи сабель. За последнее время имелся ряд сведений о том, что красное командование готовится в ближайшие дни перейти против нас в решительное наступление.

Наша армия численно несколько превосходила противника. Дух войск был превосходен. Войска сведены были в четыре корпуса:

1-й армейский корпус генерала Кутепова – Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии и 1-я кавалерийская и 2-я конная (наполовину регулярная, наполовину из донцов) дивизии;

2-й армейский корпус генерала Слащева – 13-я и 34-я пе-

хотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада;

Сводный корпус генерала Писарева – Кубанская дивизия и 3-я конная дивизия (туземцы и астраханцы);

Донской корпус генерала Абрамова – 2-я и 3-я Донские дивизии и гвардейская Донская бригада.

Боевой состав армии 25 000 штыков и сабель ($\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{6}$ общей численности армии, считая и флот).

Произведенная конская мобилизация дала возможность посадить на коней один полк 1-й конной дивизии (около 400 шашек). На конях были входившие в состав 1-го армейского корпуса 2-я конная дивизия генерала Морозова (около 2000 шашек) и Терско-Астраханская бригада 2-го корпуса. В Сводном и Донском корпусах имелось лишь по конному дивизиону (150–200 шашек). Остальная конница действовала в пешем строю.

Директивой моей от 21 мая войскам ставились задачи: генералу Слащеву, после смены его частей на Сальковском направлении войсками генерала Писарева и погрузки в Феодосии, высадиться в районе Кирилловка – Горелое, прервать линию железной дороги Сальково – Мелитополь и в дальнейшем, совместно с частями генерала Писарева, действовать в тыл Перекопской группе красных; генералу Писареву и генералу Кутепову атаковать противника на рассвете 25 мая, разбить и отбросить за Днепр; генералу Абрамову с Донским корпусом оставаться в моем резерве в районе станции Джанкой. Часть флота вошла в Днепровский лиман для обеспече-

ния левого фланга операции.

Время начала операции и место высадки десанта сохранены были в полной тайне. Штабом намеренно распространялись слухи о готовящемся десанте в районе Новороссийска и Одессы. Директива генералу Слащеву должна была быть вскрыта им лишь по выходе десантного отряда в море.

20 мая было мною подписано обращение к народу:

«ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 3226

Севастополь. 20 мая 1920 года

Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю.

Я призываю на помощь мне русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве, и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу – земля и воля в устройении государства.

Земле – волею народа поставленный Хозяин.

Да благословит нас Бог.
Генерал *Врангель*».

Обращение это было обнародовано 25 мая. К этому же времени должен был быть отпечатан земельный приказ.

22-го утром прибыл я в Феодосию, где застал корпус генерала Слащева уже оканчивающим погрузку. Войска имели отличный вид. Сам генерал Слащев был настроен весьма бодро и уверенно. Я провел в Феодосии всего два-три часа. Обошел пароходы, нагруженные войсками, говорил с офицерами и солдатами и, отдав последние распоряжения, выехал обратно в Севастополь.

По дороге на станции Колай смотрел расположенные здесь части нашей спешенной конницы. Созданию мощной конницы я по-прежнему придавал исключительное значение, решив, по посадке полков на коней, свести конницу в крупные соединения; наметил сформирование в дальнейшем казачьего и регулярного конных корпусов, создание запасных и учебных кавалерийских частей, отдела ремонта. Работа по созданию, подготовке и обучению конницы была возложена на особую инспекцию, во главе которой стоял генерал-инспектор конницы, на каковую должность я назначил генерала Юзефовича (за-ведывание работами по укреплению Перекопа и постройке подъездного пути Джанкой – Юшунь были переданы генералом Юзефовичем генерал-лейтенанту Макееву⁶⁵), прекрасного организа-

тора, близко знающего по своей предыдущей службе личный состав конницы.

23-го утром я вернулся в Севастополь, с тем чтобы в тот же день вечером выехать в Джанкой. А.В. Кривошеин успел в общих чертах ознакомиться с положением. Он беседовал с начальниками отдельных управлений, присутствовал на заседании совета и был поражен бедностью сил.

Впредь до изменения нашего положения было невозможно рассчитывать на привлечение свежих людей. Никто не решился бы приобщиться к «крымской авантюре». Достаточно подготовленных людей на местах также трудно было найти. Александр Васильевич это понимал, однако считал действительно необходимым заменить и. д. начальника гражданского управления Перлика. После долгих поисков Александр Васильевич остановился на С.Д. Тверском⁶⁶, бывшем воронежском губернаторе, а затем помощнике моем по гражданской части в бытность мою командующим Добровольческой армией осенью 1919 года. С.Д. Тверской после эвакуации Новороссийска попал в Сербию и, как только стало известно об уходе генерала Деникина и вступлении моем в главное командование, по собственному почину выехал в Крым. В связи с намеченной земельной реформой вопросы землеустройства решено было выделить в особое управление, во главе которого Александр Васильевич наметил поставить сенатора Г.В. Глинка. Наконец, должность государственного контролера решено было предложить Н.В. Савичу, которого

и А.В. Кривошеин и я высоко ценили.

Дабы объединить действия наших военных агентур, связь с которыми из Севастополя была крайне затруднительна, было намечено всех военных агентов на Балканах подчинить военному представителю в Константинополе генералу Лукомскому; военных агентов прочих государств Западной Европы – военному представителю в Париже. Занимавший эту должность генерал Щербачев сильно постарел. А.В. Кривошеин горячо рекомендовал заменить его генералом Миллером, бывшим Главнокомандующим Северной армией. Я знал генерала Миллера лишь по репутации и охотно согласился на это назначение, в дальнейшем оказавшееся весьма удачным.

С началом боевых операций мое присутствие на фронте представлялось необходимым. Руководить непосредственно войсками и выполнять одновременно огромную работу по государственному управлению мне представлялось непосильным, и я горячо просил А. В. Кривошеина помочь мне, приняв должность моего помощника. Однако Александр Васильевич все еще не мог решиться. После долгих моих настояний он согласился на время моего отсутствия принять на себя исполнение должности председателя совета, однако лишь в порядке временного поручения, каковое и было возложено на него мною особым официальным письмом.

23-го вечером я с полевым штабом выехал в Джанкой.

24-го вечером получено было радио об удачной высад-

ке войск генерала Слащева у Кирилловки. Высадка совершена была в чрезвычайно тяжелых условиях, при сильном шторме. На рассвете 25-го армия перешла на всем фронте в наступление. После короткой артиллерийской подготовки части генерала Писарева, поддержанные танками и бронепоездами, атаковали красных, в то время как десант генерала Слащева, овладев деревнями Ефремовской и Давыдовкой, подходил передовыми частями к линии железной дороги. Атакованные с фронта и угрожаемые с тыла, красные бежали, почти не оказывая сопротивления. Город Геническ, станция Ново-Алексеевка и деревня Ново-Михайловка были заняты частями Сводного корпуса. Наши бронепоезда были двинуты на станцию Рыково. Красные отходили на Рождественское. Здесь нами взято было несколько сот пленных и два орудия. Одновременно корпус генерала Кутепова атаковал на Перекопском участке главные силы 13-й советской армии. Танки и броневики двигались впереди наших цепей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито, однако наша пехота с помощью их овладела всей укрепленной позицией. Марковская и Корниловская дивизии выдвинулись на линию: Первоконстантиновка – Спендиарово (марковцы) и Преображенка – Адамань (корнилов-

цы). 2-я конная дивизия генерала Морозова брошена была для преследования красных. Дроздовская и 1-я конная дивизии оставались в резерве командира корпуса.

Оправившись после первого удара, красные, стянув против Марковской дивизии до двух дивизий пехоты и бригаду конницы, перешли в наступление и оттеснили марковцев от деревни Первоконстантиновки. На поддержку отходившим марковцам была двинута Дроздовская дивизия. Одновременно 2-я конная дивизия, выдвинувшись до Чаплинки, отбивала атаки пехоты и конницы противника, пытавшихся охватить марковцев с северо-запада. С помощью Дроздовской дивизии Первоконстантиновка вновь была занята нами, но подоспевшими резервами красных марковцы и дроздовцы были вновь оттеснены. К ночи Первоконстантиновка осталась за красными. За день нами захвачено было пятнадцать орудий, три броневика, пленные и пулеметы.

В пять часов вечера я выехал поездом в Ново-Алексеевку, несколько часов тому назад занятую кубанцами. Перед фронтом войск я наградил орденом Святого Николая поручика Любич-Ярмоловича, который, находясь на головном танке, прорвал проволочные заграждения и лично захватил одно орудие. Поручик Любич-Ярмолович был первым кавалером ордена Святого Николая. К вечеру я вернулся в Джанкой.

26 мая ожесточенные бои продолжались. Части генерала Слащева к вечеру вышли с боем на железную дорогу меж-

ду станциями Большой Утлюг – Акимовка, захватив до 1000 пленных различных частей из состава мелитопольского гарнизона. Наши бронепоезда выдвинулись к станции Сокологорное, где подбили бронепоезд красных. Сводный корпус генерала Писарева продолжал наступление: Кубанская дивизия на линию станция Юрицыно – село Рождественское, 3-я – на линию Отрада – Ново-Троицкое. Противник, в свою очередь, атаковал своей конницей (дивизия Блинова до 2500 всадников, только что прибывшая с Кавказа), охватывая фланг Сводного корпуса. Деревня Ново-Михайловка была временно захвачена красными, однако к вечеру положение на этом участке было восстановлено. Дроздовская дивизия после горячего боя окончательно заняла Первоконстантиновку. Красные под прикрытием артиллерии отходили на Владимировку. Их преследовали дроздовцы с запада и 2-я конная дивизия генерала Морозова с севера.

Около 12 часов дня Владимировка была захвачена дроздовцами. На участки между Владимировкой и Строгановкой красные были настигнуты и прижаты к Сивашу. После короткого боя, атакованные нашей воздушной эскадрилей, красные бросились врассыпную, часть пыталась спастись вплавь через Сиваш и тонула, расстреливаемая нашими батареями. Переплывшие на южный берег Сиваша отдельные люди задерживались нашими сторожевыми постами. Большая часть положила оружие. Здесь захвачено было 1500 пленных, пять орудий и три броневика. У Спендиаро-

ва марковцы и корниловцы отбили в течение дня все атаки противника.

За двухдневный бой 1-м корпусом взято было 3500 пленных, 25 орудий, 6 броневиков. Потери в частях корпуса были весьма значительны, особенно в командном составе. В 1-м Дроздовском полку выбыли из строя все батальонные и ротные командиры.

В ночь на 27 мая красная дивизия Блинова, используя растянутое расположение 3-й конной дивизии, ночным налетом заняла деревню Отраду и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила весь штаб 3-й конной дивизии во главе с начальником дивизии генералом Ревизиным⁶⁷.

27-го утром мною отдана была директива: генералу Слащеву овладеть районом Мелитополь – Екатериновка – Акимовка, в дальнейшем направить конницу на северо-запад в тыл красным, отходящим от Сиваша; генералу Писареву, усиленному 2-й Донской казачьей дивизией, уничтожить Рождественско-Петровскую группу красных и овладеть Колгой, Ивановкой, Серогозами; генералу Кутепову овладеть Каховкой и Алешками; Донскому корпусу генерала Абрамова, без 2-й Донской казачьей дивизии, оставаться в моем резерве в районе Ново-Алексеевки.

К вечеру части генерала Слащева заняли Мелитополь. Части сводного корпуса медленно продвигались вперед. Части 1-го армейского корпуса вышли на линию Аскания-Нова – Чаплинка – Колончак и продолжали преследование красных.

В Чаплинке захвачены были оставленные красными баллоны с удушливыми газами, лаборатория для добычи газов и батарея.

Конница генерала Морозова, после разгрома красных под Строгановой, 26 мая была спешно переброшена на Чаплинку. К вечеру 27 мая генерал Морозов достиг хутора Бальтазаровского.

28 мая генерал Слащев овладел станцией Мелитополь и продолжал удерживать город, несмотря на яростные атаки красных, подвезших из Александровска свежие резервы. Сводный корпус вел бой с кавалерией «товарища» Блинова к юго-востоку от села Рождественского.

Между тем перекопская группа красных, отходя главными силами на Каховку, получила новое подкрепление. 15-я стрелковая дивизия, направлявшаяся с Дона походным порядком на Польский фронт, была красным командованием повернута с похода и двинута на поддержку разбитых частей 13-й советской армии. 28 мая 15-я стрелковая дивизия, в составе трех бригад пехоты и бригады конницы, общей численностью до 4500 штыков и 800 сабель, подошла в район Черной Долины.

Части 1-го армейского корпуса занимали следующее расположение: Дроздовская дивизия в районе Марьяновка – Самойловка (северо-западнее Аскания-Нова); Корниловская – на линии Черная Долина — Черненко; 2-я конная дивизия генерала Морозова в центре боевого расположения к югу от

Натальина; марковцы в корпусном резерве южнее Чаплинки; 1-я конная дивизия (пешая) на участке Большие Копани – Чолбасы.

15-я стрелковая дивизия, поддержанная Латышской и 52-й, обрушилась на части генерала Морозова. Наша конница стала отходить на юг. Дроздовцы и корниловцы отбили все атаки противника. К вечеру наши части заняли в отношении главных сил красных, втянувшихся между дроздовцами и корниловцами, выгодное охватывающее положение.

29 мая генерал Слащев, несмотря на яростные атаки с севера и востока, продолжал удерживать Мелитополь. К вечеру его конница заняла Елизаветовку, а бригада 34-й дивизии – Койлы-Елга. В Сводном корпусе на рассвете 29-го кубанцы были атакованы бригадой 2-й красной кавалерийской дивизии и поспешно отошли к Ново-Алексеевке, при отходе потеряв батарею. Контратакой частей Сводного корпуса красные были отброшены на север. К вечеру, развивая успех, кубанцы заняли хутор Адама, донцы – Рождественское. Наскорю сколоченные казачьи части корпуса в непривычной обстановке пехотного боя дрались плохо.

Используя выгодное положение, генерал Кутепов подтянул Марковскую дивизию к Чаплинке и четыре полка 1-й конной дивизии к Черненке, с утра 29 мая перешел всеми частями в наступление. Красные не выдержали концентрического удара и стали поспешно отходить. До темноты генерал Кутепов продолжал теснить противника, к вечеру по-

дойдя на десять верст к Каховке. Левофланговая группа 1-го корпуса подошла к Алешкам.

30 мая упорные бои в районе Мелитополя продолжались. Части генерала Слащева удерживали свои позиции. В этот день Сводный корпус занял Петровское (кубанцы) и Отраду (3-я конная дивизия). Части 1-го корпуса вышли на линию Днепра на всем фронте от Каховки до устья. Корниловская и 2-я конная дивизии стремительной атакой захватили Каховку, где взяли 1500 пленных. Обозы и часть пехоты красных успели отойти за Днепр, взорвав мосты. Конница красных с частью обозов отходила левым берегом Днепра на северо-восток. Конница генерала Морозова настигла эту группу (до 1000 сабель) у деревни Любимовки, жестоко потрепала и продолжала гнать на восток. С 25-го по 30 мая 13-я советская армия потеряла до 8000 пленных, около 30 орудий, два бронепоезда, массу пулеметов и огромные склады боевых припасов.

30 мая я отдал директиву, приказав войскам настойчивым преследованием довершить разгром врага: генералу Слащеву приказано было продолжать удерживать район Мелитополя, где красные, подводя свежие резервы, продолжали свои атаки; генералу Абрамову, объединив командование Донским и Сводным корпусами, преследовать красных в направлении Колга – Серогозы; генералу Кутепову, удерживая линию Днепра от Каир Западных (23 версты на северо-восток от Каховки) до устья, бросить Дроздовскую и 2-ю конную

дивизии на северо-восток, с тем чтобы в кратчайший срок выйти в район Рубановки (52 версты на северо-восток от Каховки и 84 версты к западу от Мелитополя).

В четыре часа дня я выехал в Севастополь. За последние дни на западном красном фронте обстановка изменилась. В то время как наша армия атаковала противника, большевики, в свою очередь, перешли в наступление против поляков.

27 мая красные войска захватили Белую Церковь, прорвав Польский фронт. 30 мая красные заняли Фастов и одновременно форсировали Днепр в 60 верстах к северу от Киева и перерезали железную дорогу Киев – Коростень. 31 мая Киев был оставлен польскими войсками. Большевики усиленно раздували свои новые успехи против поляков и всячески замалчивали свое поражение на юге. В Англию прибыл представитель советского правительства Красин. Переговоры его с Ллойд Джорджем, по-видимому, встретили благоприятную почву. Политика англичан стала нам резко враждебной.

24 мая (6 июня) Нератов телеграфировал, что адмирал де Робек передал ему о полученном им из Лондона приказе задерживать в настоящее время военные грузы, назначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, даже и на русских судах. Грузы, идущие под иными флагами, его не будут касаться. «Это распоряжение, – телеграфировал Нератов, – видимо, является средством давления на нас». Распоряжение английского правительства ставило нас в тягчайшее положение. Лишение нас возможности получать воен-

ные грузы неминуемо свело бы все наши успехи на нет.

Я пригласил генерала Перси и имел с ним продолжительный разговор, краткое содержание коего князь Трубецкой 31 мая (13 июня) сообщил Струве в Париж и Нератову в Константинополь. Через несколько дней, 16 июня, Маклаков телеграфировал: «...Вопрос снабжения решен благоприятно, непосредственная ближайшая опасность временно устранилась». Хотя в дальнейшем англичане и продолжали чинить нам различные препятствия, но путем личных переговоров в Севастополе, Константинополе и Париже большинство грузов удавалось, хотя и с трудом, доставлять в Крым.

С переходом к нам новых областей необходимо было принять самые неотложные меры по установлению во вновь занятых местностях должного правопорядка. Многое было уже сделано. На местах, при командирах корпусов, имелся готовый аппарат гражданской власти; армия высоко несла знамя законности. Отдельные случаи нарушения закона войсками беспощадно карались. Военно-судные комиссии с представителями от населения зорко следили за соблюдением законности в прифронтовой полосе, однако настоятельно необходим был и ряд других мер.

Одной из таких насущных мер являлось упорядочение дела контрразведочных органов (наблюдательных отделений), о чем 28 мая был отдан соответствующий приказ:

«Ввиду того что в прошлом году в занимаемых Вооруженными силами на юге России местностях самочинно возни-

кали, а иногда и организовывались комендантами городов и другими военными властями контрразведки, которые совершали массу злоупотреблений и преступлений, чем возбуждали население против чинов армии и, в частности, против законных контрразведывательных органов, приказываю:

1. Борьбу с коммунистическими организациями и большевистскими агентами, остающимися для преступной работы во вновь занимаемых нашими войсками местностях, возложить исключительно на наблюдательные пункты при штабах корпусов, дивизий и другие, организованные и подчиненные наблюдательному отделению.

2. Всякую организацию наблюдательных органов комендантами городов и вообще какими бы то ни было властями, помимо наблюдательного отделения, воспретить.

3. Виновных в неисполнении этого приказа, как организовавших или допустивших возникновение самочинных контрразведок, так и служащих в этих учреждениях, подвергать ответственности по суду».

Ввиду особого характера органов контрразведки и тех тяжких обвинений, которые не без основания возводились на контрразведывательные органы при моем предшественнике, представлялось необходимым вести особенно тщательное за ними наблюдение. Решено было возвратиться к существовавшему еще до мартовского переворота порядку наблюдения прокурорского надзора за производством дознаний по государственным преступлениям, производимым чи-

нами корпуса жандармов. По сношению главного военного прокурора с начальником управления юстиции, были в дальнейшем подробно выработаны правила такого надзора. Наблюдение за производством дознаний по делам о государственных преступлениях было возложено (приказом от 8 июля за № 91) на чинов прокурорского надзора военного и военно-морского ведомств – в прифронтовой полосе и гражданского ведомства – в тыловом районе. Лицам этим предписывалось иметь тщательное наблюдение за производством дознаний по государственным преступлениям, для чего они должны были присутствовать по возможности при всех важнейших следственных действиях и следить за законностью арестов и правильностью содержания арестованных.

За все время трехлетней Гражданской войны это был первый случай, когда дело политического розыска ставилось под контроль чинов прокуратуры.

31 мая был объявлен приказ об учреждении при штабе каждого армейского корпуса должности начальника военно-судной части. На последнего возлагалось: рассмотрение всех военно-судных дел, поступающих на разрешение командира корпуса, и составление по ним доклада, ближайший надзор за деятельностью военно-полевых судов, ведение переписки по всем вопросам, относящимся к военно-судной части, исполнение указаний главного прокурора, относящихся к деятельности военно-судных комиссий корпуса, и производство расследований и исполнение других

поручений по военно-судной части и распоряжений командира корпуса и главного военно-морского прокурора. Таким образом, и деятельность военно-полевых судов, как и следственных органов, была по мере возможности обставлена законными гарантиями.

И. д. губернатора Перлик оставил свой пост, таврическим губернатором был назначен С.Д. Тверской, с возложением на него исполнения обязанностей начальника гражданского управления. Одновременно произошла замена таврического вице-губернатора, на каковую должность был назначен А.А. Лодыженский⁶⁸, бывший помощник управляющего делами особого совещания. Ввиду необходимости С.Д. Тверскому иметь постоянное пребывание в Севастополе, А.А. Лодыженский фактически исполнял должность таврического губернатора.

В эти дни прибыл в Крым бывший директор департамента полиции генерал Климович⁶⁹; я знал его по репутации за весьма дельного и честного человека. Работа большевистских агентов в Крыму за последнее время значительно сократилась. В апреле в Симферополе была обнаружена часть членов центра организации коммунистов, руководимой в этот период времени присланным из Советской России «товарищем» Николаем Бабаханом. Организация ставила себе целью порчу железнодорожных путей и стрелок, взрывы мостов и бронепоездов. При обыске было захвачено значительное количество взрывчатых веществ. Организация

эта имела связь с большевистской ячейкой, образовавшейся в 7-м запасном батальоне, расположенном в Симферополе, с автоброневым дивизионом при Ставке Главнокомандующего и с группировавшимися в горах зелеными, возглавляемыми упомянутым выше капитаном Орловым. Одновременно была разгромлена большевистская организация в городе Керчи, причем захвачены пулемет, винтовки и значительное количество пироксилина.

С наступлением весны коммунисты перенесли центр своей деятельности в леса, оставляя в городах и других населенных пунктах лишь явочные конспиративные квартиры, необходимые для взаимной связи организационных ячеек между собой и с Советской Россией. Отряды зеленых состояли главным образом из всякого сброда – банд бежавших зимой из симферопольской тюрьмы и эвакуированных из Харькова арестантов-большевиков (в то время как раненые, больные, семьи служащих, ценнейшие грузы бросались за неимением свободного подвижного состава, все преступники, заполнявшие тюрьмы, бережно увозились в тыл), дезертиров и прочего преступного люда. Общая численность их к этому времени не превышала нескольких десятков человек, однако имелись сведения, что большевики, используя отсутствие действительной морской охраны берегов Крыма, приняли меры к пополнению отрядов зеленых людьми и снабжению их деньгами и оружием. Морским путем, моторными катерами из Новороссийска и Анапы люди и оружие перево-

зились по ночам и, высаживаясь где-либо на пустынном берегу, уходили в горы на присоединение к зеленым.

Борьба с работой противника в тылу требовала опыта и исключительно большой энергии. Я принял решение использовать для этой борьбы генерала Климовича, и последний был назначен начальником особого отдела моего штаба и помощником начальника гражданского управления.

31 мая состоялось в Морском собрании торжественное открытие комитета ордена Святого Николая Чудотворца, под председательством генерала от кавалерии Драгомирова. Я присутствовал на молебне и в тот же вечер выехал на фронт.

Упорные бои в районе Мелитополя продолжались, однако противник, видимо, уже выдыхался. Конница 2-го армейского корпуса под командой генерала Шифнер-Маркевича вышла в тыл 2-й кавалерийской дивизии «товарища» Блинова. В районе Нижних Серогоз она перехватила обозы 3-й и 46-й стрелковых дивизий. Остатки этих дивизий и отдельные бригады 15-й, 29-й, 42-й и 52-й стрелковых дивизий потеряли всякую боеспособность и поспешно отходили на линию Орехов – Александровск.

Угрожаемая с тыла кавалерия «товарища» Блинова бросилась из района Ново-Троицкого на Агайман и Рубановку. Сводный корпус получил возможность выдвинуться на поддержку частей генерала Слащева.

Днем 1 июня я получил сообщение, что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен «монархический заговор»

и что значительное число офицеров арестовано. Сведения эти показались мне весьма странными. Я только что был в Севастополе, и общее настроение там не оставляло желать лучшего. Я приказал запросить подробности.

Оказалось, что накануне два каких-то мичмана явились в распоряжение лейб-казацкого полка и пытались уговаривать казаков по возвращении моем в Севастополь арестовать меня, начальника штаба и некоторых других лиц, не сочувствующих будто бы возвращению на русский престол Царя. Вместо меня будто бы во главе армии станет Великий князь Николай Николаевич, а временно, до его приезда, пасынок его, герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский. Последний состоял ординарцем при генерале Славцеве. Та атмосфера, которая царила в штабе последнего, непрерывный разгул и интриги не могли быть полезны юноше, и я в бытность мою в Феодосии решил отправить его к отчиму. Одновременно я написал Великому князю Николаю Николаевичу, прося, в интересах молодого человека, оставить его при себе. Герцог Лейхтенбергский в самый день обнаружения заговора выехал в Константинополь. Наивные агитаторы были задержаны казаками и представлены начальству. На первом же допросе они проговорились, назвав ряд соучастников.

Вся эта история представлялась мальчишеской выходкой. Мне было неприятно лишь то, что в ней замешан был герцог Лейхтенбергский, близкий Великому князю Николаю Николаевичу, и упоминалось имя последнего. Я решил не давать

делу дальнейшего хода и в тот же день вечером выехал в Севастополь.

Как я и ожидал, вся эта история оказалась глупым фарсом, однако за кулисами действовали большевистские агенты. В общих чертах дело представлялось следующим образом: еще зимою 1919 года среди группы молодых офицеров флота возникла мысль создать особый орден, долженствующий воспитывать среди офицерства высокие понятия о чести, воинском долге, традиции старых Императорских армии и флота, забытые в разрухе смутного времени. О существовании этого ордена я знал и даже видел его устав. Он ничего предосудительного в себе не заключал.

Однако за последнее время в состав членов этого общества сумел втереться некий Логвинский, еврей, настоящая фамилия коего была Пинхус. Пинхус-Логвинский был личностью весьма темной, с уголовным прошлым, в последние перед революцией дни замешанный в мошеннических проделках пресловутой комиссии генерала Батюшина. Ныне, по имеющимся сведениям, Логвинский являлся одним из агентов большевиков. Втеревшись в доверие молодежи, Логвинский подготовил весь этот недостойный фарс; трудно было допустить мысль, чтобы он сам рассчитывал на какие-то серьезные от него результаты, вернее, он преследовал лишь цель дискредитировать власть.

Арестованные, в общем количестве десять – двенадцать человек, были все, за исключением одного-двух офицеров,

зеленая молодежь, сама, видимо, не отдававшая себе ясного отчета в неблагоприятности своего поступка. Я приказал призвать их всех к себе, пристыдил их и сказал, что ставлю крест на всей этой глупой истории. Вместо того чтобы бить баклуши в Севастополе и делать политику, они должны отправиться на фронт, где они могут принести пользу и загладить свою вину. Офицеры были прикомандированы к пехотным полкам и дальнейшей службой своей доказали преданность Родине. Впоследствии все они были постепенно возвращены во флот. Пинхус-Логвинский был расстрелян.

Я вернулся в Джанкой 3-го вечером. Противник в беспорядке поспешно отходил по всему фронту. 13-я советская армия в боях с 25 мая по 4 июня понесла огромные потери, доходившие в некоторых частях до 75 процентов первоначального состава. При отходе части противника перепутались, потеряли связь между собой и со своими штабами. Огромные запасы достались в наши руки. Наиболее богатые уезды Северной Таврии были освобождены. Цены на все продукты в Крыму сразу понизились.

Наша конница садилась на коней. Заблаговременно снабженные значительным количеством денежных знаков, части расплачивались за лошадей по существующим рыночным ценам. Военно-судные комиссии беспощадно карали за всякие самовольные попытки реквизиций. Случаи незаконных реквизиций коней имели место главным образом в казачьих частях, особенно в донских. Казаки, непривычные к пеше-

му бою, старались обзавестись конями, не считаясь ни с чем. Первые дни нареканий на казачьи части было особенно много, однако после отрешения мною двух командиров полков и нескольких суровых приговоров, вынесенных военно-судными комиссиями, жалобы прекратились.

Преследуя противника по пятам, наши части подходили к Ногайску, Большому Токмаку (50 верст на северо-восток и 75 верст на восток от Мелитополя) и, двигаясь вдоль Днепра, достигли железной дороги. Несмотря на тяжелые потери, в войсках, окрыленных победой, подъем духа был огромный. Вся крымская печать, без различия направлений, ликовала.

В последний мой приезд в Севастополь я мог убедиться, что А.В. Кривошеин вошел совершенно в курс дела и овладел им. Я не возобновлял с ним разговора о привлечении его к дальнейшей работе в качестве моего помощника, решив выждать для этого разговора окончательного завершения операции. Теперь я послал к нему генерала Шатилова. Как я и предвидел, Александр Васильевич, войдя в дело, не мог уже решиться от него отойти. Наши военные успехи рассеяли его последние колебания. Он уступил моим настояниям. 6 июня состоялось назначение А.В. Кривошеина моим помощником. Одновременно было решено, что генерал Шатилов займет должность начальника моего штаба. Назначение это я наметил уже давно. Однако, не желая с первых шагов вступления моего в командование армией производить коренную ломку в штабе, откладывал его до удобного вре-

мени.

Генерал Махров назначался военным представителем в Польше. Согласованность наших операций с операциями на Польском фронте приобретала первенствующее значение. Политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами. В этой сложной военно-политической обстановке генерал Махров вполне мог разобраться. Назначение генералов Махрова и Шатилова состоялось в середине июня.

4 июня я проехал в Мелитополь, куда прибыл уже в сумерки. С вокзала я проехал в собор, где присутствовал на молебне, а затем, выйдя на площадь, говорил с народом, разъясняя, что Русская Армия несет с собой не месть и кару, а освобождение от красного ига, мир, тишину и порядок, что в ближайшее время под защитой Русской Армии каждый трудящийся получит возможность спокойно жить плодами своей работы. Пояснив вкратце сущность намеченных мероприятий по организации самоуправления в волостях и наделения крестьян землей, подчеркнул, что благожелательная ко всем слоям населения власть в то же время не потерпит никаких нарушений закона и беспощадно будет бороться со злоупотреблениями и правонарушениями. Огромная, в несколько тысяч человек, толпа слушала в полном молчании. Едва я

кончил, как тысячеголосое «Ура!» покрыло площадь.

6 июня наши части достигли линии Бердянск – Орехов – Плавни. Железнодорожная ветка Джанкой – Юшунь была вчерне закончена, и я имел возможность проехать поездом до самой станции Юшунь, откуда на автомобиле проехал до деревень Чаплинки и Черная Долина, где смотрел части 1-го корпуса. Войска имели веселый, бодрый вид. Население, относившееся в первые дни к войскам с недоверием, опасаясь обид и грабежей, успело убедиться, что Русская Армия стала другой, что те войска, которые пришли ныне, ничем не напоминают те части, которые несколько месяцев тому назад мало чем отличались от большевиков. По дороге я несколько раз останавливался в селах и беседовал с крестьянами и всюду слышал самые лучшие отзывы о наших войсках.

Из Черной Долины я проехал в Каховку, где смотрел кавалерийские полки дивизии генерала Барбовича⁷⁰. Знаток своего дела, большой личной храбрости и порыва, человек исключительного благородства души, строгий к себе и другим, пользующийся любовью и уважением подчиненных, генерал Барбович был отличным начальником конницы. Полки начинали садиться на коней. Переночевав в Каховке, я вернулся на станцию Юшунь и 7-го вечером был в Джанкое.

8 июня был объявлен приказ об освобождении во вновь занятых областях от ответственности служивших в советских учреждениях.

«ПРИКАЗ

Главногокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 3224

Севастополь. 8 июня 1920 года

Обновленная Русская Армия вышла на путь освобождения Родины от анархии и террора. В этот ответственный момент, когда на армию устремлены взоры русского народа, ожидающего от нее избавления от ужасов большевистского гнета и восстановления в стране начал права и законности, я, учитывая, что советская служба многих русских людей носила принудительный характер и вызывалась неблагоприятно сложившимися для них обстоятельствами и государственной разрухой, приказываю:

Освободить от ответственности всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимавших ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти (первая часть ст. 1 закона 30 июля 1919 года об уголовной ответственности участников установления советской власти), а также учинивших одно из тяжких преступлений, предусмотренных последней частью (п. п. 1–6 ст. 108 по ре-

дакции приказа Добровольческой армии 1918 года № 390) Уголовного Уложения.

В отношении офицеров и солдат красной армии с ее учреждениями руководствоваться приказом моим от 29 апреля сего года за № 3052.

Генерал *Врангель*».

Объявляя во вновь занятых областях мобилизацию людей и лошадей, я в то же время делал все возможное, чтобы прийти на помощь и населению. Начальнику управления снабжения было приказано принять меры по снабжению сельского населения кузнечным углем, железом и т. д., в каковых предметах деревня особенно нуждалась. От войск я требовал всеми мерами помочь населению, предоставляя главным образом, где возможно, для сбора урожая коневые средства.

Пришлось также скрепя сердце отдать приказ о разрешении беженцам возвратиться в Крым (8 июня, № 3242), в котором я писал: «Идя навстречу настоятельным просьбам, разрешаю всем желающим семьям военных и гражданских лиц, эвакуированным за границу, вернуться на территорию Вооруженных сил Юга России, но должен предупредить, что в случае изменения обстановки никакие просьбы и ходатайства о вывозе этих семей вновь за границу удовлетворяться не будут».

9 июня ставка перешла в Мелитополь. Я со штабом про-

должал жить в поезде.

В Северной Таврии

К 10 июня части Русской Армии выдвинулись на линию Ногайск, западнее железной дороги Бердянск – Пологи – Гнаденфельд – Вальдгейм, огибая район Большого Токмака с северо-востока до Днепра у станции Попово; далее по левому берегу Днепра до его устья.

Расположение наших частей было следующее: от Азовского моря до Гнадонфельда – последовательно 2-я Донская (севшая на коней) и 3-я Донская (пешая) казачьи дивизии Донского корпуса генерала Абрамова; от Вальдгейма до станции Попово – 13-я и 34-я пехотные дивизии 2-го армейского корпуса генерала Слащева; в районе Михайловка – Дроздовская пехотная дивизия и 2-я конная (генерала Морозова) под общей командой начальника Дроздовской пехотной дивизии генерала Витковского. По левому берегу Днепра: разведывательные части Кубанской казачьей дивизии (ядро в селе Большая Белозерка), Туземной бригады (ядро в Верхнем Рогачике), Марковской дивизии (ядро в Дмитриевке), Корниловской дивизии (ядро в Натальине). Далее от Каховки до Днепровского лимана – части 1-й конной дивизии генерала Барбовича, еще не посаженные на коней.

Жестоко потрепанная в боях с 25 мая по 4 июня, XIII советская армия приводилась в порядок и спешно пополнялась маршевыми ротами и свежими частями. Группировка про-

тивника была такова: в районе Бердянска – запасная кавалерийская бригада Федотова, по железной дороге Бердянск – Верхний Токмак – прибывшая с Дона 40-я стрелковая дивизия, в составе трех пехотных и двух кавалерийских бригад; к северо-востоку и к северу от Большого Токмака – последовательно части 3-й, 46-й и 15-й стрелковых дивизий, к востоку от железной дороги Мелитополь – Александровск – 2-я кавалерийская дивизия Блинова, в районе к северу от станции Попово – части 29-й, 42-й и 52-й стрелковых дивизий.

По правому берегу Днепра, главным образом в районе Бериславля, сосредоточивались части Латышской и 52-й стрелковых дивизий и мелкие отряды. Повстанческое движение в районе Екатеринославской губернии с весны 1920 года разрасталось, представляя значительную угрозу ближайшему тылу XIII советской армии. Красное командование было настолько этим обеспокоено, что одно время вынуждено было задержать в этом районе следовавшую на Польский фронт конную армию «товарища» Буденного. Однако повстанцы уклонялись от вооруженных столкновений с сильными частями, рассеиваясь при приближении значительных отрядов, и конница Буденного, не уничтожив очагов восстаний, двинулась на Польский фронт. Последнее время против повстанцев были выдвинуты 125-я и 126-я бригады 42-й стрелковой советской дивизии.

По данным разведки, противник сосредоточивал на своем левом фланге в районе станции Пологи свежие части, с

целью перейти в решительное наступление и вновь овладеть Северной Таврией.

10 июня я отдал директиву войскам для соответствующей перегруппировки: генералу Абрамову – сосредоточив на своем левом фланге сильную ударную группу, продолжать удерживать занятый район; основательно разрушить железнодорожную линию Бердянск – Верхний Токмак; генералу Слащеву – подчинив себе отряд генерала Витковского, нанести противнику короткий удар в северном направлении; по выполнении этой задачи, отряд генерала Витковского направить в резерв Главнокомандующего в район Колга – Елизаветовка Северная – Нижние Серогозы, а частями 2-го корпуса прочно удерживать Мелитопольский район, выделив сильные подрывные части для порчи железной дороги Полуги – Александровск (нажим красных в направлении Большого Токмака в десятых числах июня вынудил оставить отряд генерала Витковского на Ореховско-Александровском направлении); генералу Кутепову – оставив в распоряжении генерала Барбовича Марковскую пехотную и 1-ю конную дивизии, перейти к 14 июня с Корниловской дивизией в район Нижние Серогозы – Колга – Елизаветовка Северная, где, приняв в подчинение отряд генерала Витковского, составить резерв Главнокомандующего.

10 июня я проехал поездом в распоряжение 2-го армейского корпуса, где в колонии Гальбштадт и Большом Токмаке смотрел части 13-й и 34-й дивизий. Полки имели большой

некомплект, однако люди были бодры и веселы. Дорогу из Гальбштадта в Большой Токмак я сделал верхом. Расположенные здесь богатые колонии немецких колонистов встречали меня хлебом-солью; немецкие девушки подносили цветы. Несмотря на пребывание колонистов более столетия в России, колонии сохранили весь уклад немецкой деревни. Многие из колонистов вовсе не говорили по-русски. Немецкие колонии поражали исключительным богатством и высокой культурой хозяйств. Ночью я вернулся в Мелитополь, откуда проехал в Севастополь.

Наши успехи встревожили большевиков. Советская печать была тревогу, призывая уничтожить засевшего в Крыму «барона», загнать его в «крымскую бутылку» и т. д. Агенты противника усилили работу в тылу. За последние дни среди рабочих портового завода вновь началось брожение. Рабочие предъявили ряд требований и, не получив удовлетворения, забастовали. Однако теперь власть была уже достаточно сильна и могла действовать решительно. Я отдал приказание уволить всех забастовавших и забастовщиков призывных годов немедленно отправить на фронт. Одновременно объявил, что в случае каких-либо беспорядков расправа будет самая беспощадная. Проявленная властью твердость отрезвила умы. Несколько десятков смутьянов из молодых рабочих были отправлены в строй и в дальнейшем, до самых последних дней нашего пребывания в Крыму, рабочие, несмотря на тяжелые материальные условия, беззаветно вы-

полняли свой долг.

Из вновь занятых мест поступали отрадные сведения. Войска сумели заслужить доверие населения. Земельный закон встречал огромное сочувствие; приказ о земле читался на волостных сходах и вызывал горячее одобрение крестьян. Наряду с тем происходили отдельные прискорбные явления. Некоторые представители власти на местах, не исключая подчас и наиболее крупных лиц, не сочувствуя новому закону, всячески старались обойти его, придать ему произвольное толкование. С этим приходилось настойчиво бороться. Были и другие не менее прискорбные явления, побудившие меня отдать приказ о недопущении на административные должности помещиков в освобожденных местах их постоянного жительства, чтобы пресечь тем имевшие место случаи сведения личных счетов администраторов из помещиков с крестьянами.

Во вновь занятых местностях организовывалась государственная стража. Последняя была сравнена по содержанию с армией.

В Северной Таврии имелись большие запасы зерна, приближалось время сбора урожая. За обеспечением необходимым продовольствием занятых армией областей, мы могли надеяться получить избыток зерна для обмена его на необходимые нам продукты. Запасы обмундирования, снаряжения, бензина, масла и угля приходилось полностью приобретать за границей. Я всячески торопил постройку железнодорож-

ной ветки Бешуй – Сюрень, с окончанием которой представилась бы возможность пользоваться углем бешуйских месторождений. К первым числам июня добыча угля достигала тысячи пудов в день, но ввиду недостаточности перевозочных средств (лошадей и повозок) месячная добыча угля не превышала пятнадцати тысяч пудов. Постройка железной дороги Бешуй – Сюрень, несмотря на все усилия, не могла быть окончена ранее октября.

Наше финансовое положение продолжало оставаться крайне тяжелым. Маленькая территория не могла содержать армию. Хлеб в незначительном количестве и отчасти соль могли быть единственными предметами вывоза. При отсутствии местной промышленности и недостатка многих предметов сырья, почти все приходилось ввозить. Наш рубль продолжал падать, несмотря на повышение косвенных и прямых налогов. Переговоры Бернацкого и Струве за границей, с целью получения иностранного займа, успеха не имели. В прочность нашего дела за границей мало верили.

15 июня отданы были приказы об учреждении управлений торговли и промышленности и земледелия и землеустройства. Начальником первого, по выбору А.В. Кривошеина, был назначен В.С. Налбандов, местный землевладелец, бывший член Таврической губернской земской управы и государственный контролер в крымском правительстве С. Крыма в 1919 году. Начальником второго – сенатор Г. В. Глинка. Через несколько дней, 20 июня, последовал приказ о назна-

чении государственным контролером Н.В. Савича.

Успехи красных войск на Польском фронте продолжались. Польская армия отходила. Общественное мнение Франции, поставив свою карту на Польшу, волновалось. Интерес к нам во Франции заметно увеличился. Французы отлично учитывали, что наше победоносное наступление должно оказать их союзникам, полякам, огромную помощь в эти тяжелые для польской армии дни. Находившийся в Париже П.Б. Струве весьма умело использовал обстановку. Он прочел несколько докладов о нашей борьбе, обрисовал наши успехи, подчеркивал новое направление политики Главного командования, останавливался на последних реформах во внутреннем управлении и земельном вопросе. Французская печать поместила несколько заметок об этих докладах, весьма сочувственно отзываясь о «широкой либеральной» политике правительства Юга России. П.Б. Струве имел свидание с рядом лиц близких французскому правительству и, наконец, принят был председателем французского правительства Мильераном. Последний проявил большой интерес к борьбе на Юге России и просил Струве письменно изложить ему взгляд правителя Юга России на русский вопрос.

7 (20) июня Струве вручил председателю французского правительства нижеследующее письмо:

*«Начальник Управления Внешних Сношений
при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге*

России.

Париж, 20 июня 1920 года.

Господин Председатель Совета Министров, Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России поручил мне поделиться с Вами его идеями и намерениями, а также его дальнейшими видами, в связи с настоящим положением в России. Я уже имел случай устно сообщить Вашему Превосходительству те принципы, которые генерал Врангель положил в основу своей внутренней политики. Эти принципы, заключающие в себе весь опыт русской революции, состоят в следующем:

1. Захват крестьянами помещных земель во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципе частной собственности, несомненно отвечающем чаяниям крестьян.

2. Будущая организация России должна быть основана на договоре, заключенном между политическими новообразованиями, фактически существующими. Воссоединение различных частей России, в настоящее время разъединенной, в широкую федерацию должно быть основано на свободно за-

ключенном договоре, исходящем из общности интересов, и в первую голову экономических потребностей. Такая политика ни в каком случае не старается добиться объединения силой.

3. Каковы бы ни были в будущем взаимоотношения различных частей России, в настоящее время разделенной, политическая организация их территорий и конструкция их федеративного союза должна быть основана на свободном волеизъявлении населения, через посредство представительных собраний избираемых на демократических основах. Что же касается настоящего положения в России, раздираемой гражданской войной, то в первую голову надо обратить внимание на то соображение, что желание прекратить гражданскую войну, лежащее в основе настоящей русской политики Британского правительства, отнюдь не влечет за собой обязательной капитуляции перед красной армией и советской властью всех тех русских элементов, которые собрались вокруг генерала Врангеля или которые сохранили до сих пор свою независимость по отношению к советской власти. Если Британское правительство желает содействовать прекращению гражданской войны, то принуждение лучших элементов русской армии к принятию неприемлемой для них капитуляции и предоставление всего русского населения террористической диктатуре воинствующего коммунизма, воплощенного в советском правительстве и красной армии – не есть ни действительный, ни честный способ достигнуть этой це-

ли. Прекращение гражданской войны, если бы оно было навязано воюющим сторонам, означало бы, в настоящих условиях, не капитуляцию Вооруженных Сил на Юге России перед красной армией, а разграничение между Россией советской и Россией антибольшевистской, основанное на обеспечении жизненных потребностей обеих территорий. Независимо от того, насколько вероятно длительное сохранение мира между этими двумя режимами, все же прекращение гражданской войны может быть достигнуто только этим решением, а отнюдь не капитуляцией одной воюющей стороны перед другой. Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России мог бы согласиться на прекращение гражданской войны на этих условиях, но оно было бы ему абсолютно неприемлемо в форме капитуляции перед советской Россией. Всякий договор, заключаемый на этот предмет, должен будет установить неприкосновенность территории, занимаемой армией генерала Врангеля, в пределах, обеспечивающих населению удовлетворение его элементарных экономических потребностей, а в особенности его продовольствования питательными продуктами. Кроме того, казачьи области, историческая автономия которых и бытовые особенности были сызнова признаны генералом Врангелем, вследствие договора с выбранными, согласно воле и потребностям населения, казачьими атаманами, – должны быть совершенно изъяты из владений советского правительства. Генерал Врангель полагает, что политические новообразования,

создавшиеся на Кавказе, должны также получить гарантии против агрессивных действий со стороны советов.

Что же касается вопроса о возобновлении экономических сношений с советской Россией, то мнение, что таковое возобновление будет иметь умиротворяющее действие на состояние России, должно быть признано обоснованным. Однако, чтобы политика, основанная на этой идее, могла быть успешной, необходимо, чтобы она проводилась последовательно и методично. Эта политика, устанавливая взаимоотношения между русскими и иностранцами, должна будет исходить из двух основных принципов экономической жизни цивилизованных народов: а) права частной собственности и б) свободы в экономическом отношении. Применение этих принципов даже в отношении одних только иностранцев поведет к необходимости организации юридической и полицейской защиты этого права и этой свободы. Без действительного признания и проведения в жизнь этих принципов возобновление экономических сношений с Россией останется пустым звуком.

Признание частной собственности в будущем тесно связано с признанием ее в прошлом, т. е. с признанием советским правительством всех прав и интересов иностранцев в большевистской России и всех общественных долгов (государственных, городских самоуправлений и т. д.), принятых ранее на себя Российским государством. Тут будет уместно заметить, что если иностранные правительства согласились бы

теперь признать какое-либо русское правительство, не полагаящее себя связанным финансовыми обязательствами Российского государства, — то любое будущее российское правительство, как бы умеренно и здраво оно ни было и как бы ему ни была ясна, в интересах самой же России, необходимость уважать эти обязательства, встретит громадные психологические затруднения к признанию долгов, отрицание которых хотя бы и безмолвно, но все же было санкционировано правительствами государств-кредиторов.

Из всего вышеизложенного, Ваше Превосходительство, изволили усмотреть все то, что генерал Врангель полагает для себя обязательным как представитель элементов русской армии, оставшихся верными воинской чести и союзам, а также как представитель населения, признающего принципы общественной жизни, свойственные всем культурным народам. Генерал Врангель отдает себе отчет в трудностях своего собственного и международного положения. Он далек от мысли, что восстановление в России порядка и свободы может быть достигнуто исключительно чисто военными действиями. Он понимает необходимость длительной умиротворительной работы, направленной в первую голову на удовлетворение потребностей крестьян, составляющих большинство русского населения. Это население не желает ни восстановления старого порядка, ни коммунистической тирании. Дать удовлетворение потребностям крестьянского населения, оздоровить моральную жизнь страны, восстано-

вить экономическую жизнь, объединить все элементы порядка – вот цели, которые себе поставил Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России и достижение которых, по его мнению, выведет Россию из состояния анархии, в которое ее ввергнул коммунистический режим, сделавший из нее опытное поле для чудовищных социальных экспериментов, неслыханных доселе в истории.

Примите, господин Председатель Совета, уверения в глубоком моем уважении.

П. Струве».

В то время как французы явно делали шаги нам навстречу, политика англичан в отношении нас оставалась враждебной. Ллойд Джордж продолжал заигрывать с Советами. Открывшееся в Булони заседание Верховного союзного совета, имевшее целью рассмотреть те предложения, которые должны были быть предъявлены Германии по предмету уплаты Германией военных убытков, одновременно затронуло и ряд других насущных политических вопросов. В русском вопросе обнаружилось резкое расхождение английской и французской точек зрения.

В эти дни меня посетили представители союзнических миссий, принешие поздравления по случаю одержанной победы. Японский представитель майор Токахасси сообщил мне последние сведения с Дальнего Востока. Между дальневосточным правительством демократического характера,

возглавляемым каким-то Медведевым, и атаманом Семеновым при участии японцев будто бы ведутся переговоры, и атаман Семенов в ближайшие дни должен стать во главе дальневосточной власти.

После заявления великобританского правительства об отклонении от себя всякой ответственности за возобновление борьбы на Юге России, великобританская военная миссия была отозвана. В Крыму оставался лишь небольшой освещительный орган. Представитель английской миссии генерал Перси во всех предшествовавших переговорах держал себя истинным джентльменом. По получении предложения англичан вступить в переговоры с большевиками, генерал Перси телеграфировал своему правительству, что он отказывается участвовать в этих переговорах. Мне было известно, что в своих донесениях он горячо поддерживал невозможность для меня отменить наступление.

Я давал отъезжающей миссии прощальный обед. В кратких словах я выразил сожаление, что с отъездом генерала Перси и его офицеров Русская Армия лишится искренних друзей, что независимо от политики русские и великобританские офицеры и солдаты связаны кровью, пролитой в Великой войне, и дорогими для каждого воина понятиями о рыцарстве и чести. Я видел доказательства этому со стороны начальника английской военной миссии и его офицеров. Это особенно дорого мне и моим соратникам в настоящие дни, когда армия в своей борьбе одинока. Генерал Перси отвечал,

что с грустью оставляет армию, великий подвиг которой не только для русского дела, но и для всего мира должен быть ясен всем, кто был беспристрастным свидетелем ее борьбы, что, как солдат, он стоит вне политики, но, как англичанин, он верит, что английский народ не оставит свою недавнюю союзницу, Русскую Армию, в ее героической борьбе, что он и его офицеры сочтут долгом поведать о том великом подвиге русских патриотов, о котором так мало знает Европа. После обеда, уезжая, он еще раз говорил мне, что сделает все возможное, чтобы обратить внимание своего правительства на те гибельные последствия, которые неминуемо будут иметь место для всей Европы, если оставленная одинокой Русская Армия погибнет в борьбе.

«Я хочу верить, что политика нашего правительства будет другой, и не теряю надежды вновь во главе военной миссии вернуться к вам. Если этого не будет, то мне останется заняться своей фермой», – полушутливо сказал он.

Я, конечно, не придал его словам серьезного значения, однако через несколько месяцев получил от него письмо. Он писал, что, убедившись окончательно в гибельной политике своего правительства, оставляет службу и, отказавшись от предложенной ему дивизии, уезжает в Канаду, где будет заниматься своей фермой. Впоследствии от своих английских друзей я получил подтверждение этого.

Представитель американской миссии адмирал Мак Колли пригласил меня с женой и А.В. Кривошеина пройти в Ялту

на американском миноносце. Среди нервной лихорадочной работы я с наслаждением оторвался от дел и провел несколько часов, любуясь морем и чудными видами крымского побережья. Однако отдыхать пришлось не долго. В Ялте я получил переданную из Севастополя телеграмму о переходе противника в наступление в районе Большого Токмака. Получены были сведения о подходе на восточный участок фронта конного корпуса «товарища» Жлобы. Части последнего прибывали с Кавказа по железной дороге и высаживались на станциях Волноваха, Розовка, Царевоконстантиновка. 14 июня я вернулся в Мелитополь.

Я решил не дать противнику закончить сосредоточение и вырвать у него из рук инициативу. В тот же день я отдал приказ к 16 июня войскам принять следующую группировку: Донскому корпусу, оставив заслон на Бердянском и Мариупольском направлениях, сосредоточить главную массу конницы в районе Верхний Токмак – Черниговка – Семеновка, имея задачей атаковать в дальнейшем противника, на фронте Пологи – Вербовое; 2-му корпусу, оставив заслон на Александровском направлении, главную массу своих сил, в том числе всю конницу и Дроздовскую дивизию, сосредоточить к северо-западу от Большого Токмака, имея задачей атаковать противника на фронте Вербовое— Орехов.

Однако 15 июня противник силою до полутора дивизий конницы, поддержанной бронепоездами и бронеавтомобилями, сам повел решительное наступление на фронте Попов-

ка – Ново-Полтавка, продвигаясь на Верхний Токмак. Части 3-й Донской дивизии генерала Гусельщикова⁷¹ после жестокого, доходившего до рукопашной схватки боя отошли на линию Михайловка – Бегим – Чокрак. Одновременно противник повел наступление и против 2-й Донской дивизии к северо-западу от Бердянска. На всем фронте 2-го корпуса шли упорные бои. Я послал приказание донцам перейти в наступление и разбить верхнетокмакскую группу красных. Генералу Слащеву с Дроздовской и 2-й конной дивизиями – продолжать выполнять прежнюю директиву, действуя против северной группы противника. Вместе с тем я решил подтянуть резервы и отдал распоряжение Корниловской дивизии перейти в село Веселое.

Попытки донцов перейти в наступление успехом не увенчались. Противник продолжал теснить их по всему фронту. Я послал приказание генералу Слащеву действовать возможно решительнее, с тем чтобы по разгроме находящегося против него противника отряд генерала Витковского спешно направить на поддержку донцам в район Гальбштадта. Отряд должен был прибыть туда к ночи на 17 июня. Я намечал нанести противнику, наступающему к юго-западу от Верхнего Токмака, согласованный дружный удар утром 18 июня.

Во исполнение этого 16 июня войскам даны были задачи: генералу Кутепову – к 12 часам 17 июня сосредоточить всю свою ударную группу (Корниловская, Дроздовская и 2-я конная дивизии) в районе Молочное – Тигервейде – Лих-

тенау. На рассвете 18-го атаковать противника: генералу Кутепову – обрушиться на правый фланг и тыл верхнетокмакской группы красных, донцам 3-й конной дивизии атаковать с фронта, 2-й – в левый фланг и тыл, генералу Слащеву удерживать фронт Большой Токмак – Васильевка.

16 июня конница Жлобы продолжала теснить донцов. С тяжелыми арьергардными боями 3-я Донская дивизия продолжала отходить. На рассвете 17 июня 3-я Донская дивизия располагалась на фронте Нейкирх – Рикенау; 2-я Донская дивизия расположилась в районе Марьяновка – Ново-Спаская. На фронте 2-го корпуса наши части продвигались с большим трудом.

16 июня красные стали переправляться через Днепр в район Малой Знаменки, но после короткого боя были отброшены нашими частями на правый берег. С утра 17-го красные опять форсировали Днепр, но вновь были отброшены, потеряв пленных и пулеметы.

17, 18 и 19 июня донцы продолжали отходить, конница Жлобы продвигалась к юго-западу. Понеся значительные потери от наших аэропланов, Жлоба избегал двигаться днем, совершая ночные переходы. Между тем на фронте 2-го корпуса бои продолжались, и скованный противником генерал Слащев не имел возможности оказать отрядом генерала Витковского помощь изнемогавшим в тяжелых боях донцам. Лишь 17 июня обозначился решительный успех на фронте 2-го корпуса. В этот день части генерала Слащева атакова-

ли противника на фронте Щербаковка – Янчокрак и наголову его разбили. 18-го числа генерал Витковский с Дроздовской и 2-й конной дивизиями выступил в район Гальбштадт – Молочное. Таким образом, лишь к 19 июня наши части заняли намеченное мною для нанесения охватывающего удара исходное положение.

Наши части располагались: 2-я Донская дивизия (1500 шашек и около 1000 штыков) главными силами в районе деревни Ореховки; 3-я Донская дивизия (2–3 тысячи штыков) в районе деревни Астраханки, держа в Варваровке связь с Корниловской дивизией. Общая сила Донского корпуса: 3500–4000 штыков, 1500 шашек, 18 орудий; 1-й армейский корпус – Корниловская дивизия (1800 штыков) в районе Орлов – Тиге – Розенрот – Линденау. Дроздовская (2150 штыков) и 2-я конная дивизии (1500 шашек) в районе Гальбштадт— Молочное. Общая численность 1-го армейского корпуса: 4000 штыков, 1500 шашек, 50 орудий; в районе Большого Токмака, фронтом на север – 13-я пехотная дивизия; на участке железной дороги Федоровка – Стульнево – три бронепоезда. Общие силы ударной группы: 10 000—11 000 штыков и шашек. Общая численность частей на фронте армии: 15 000 штыков, 6500 шашек.

Главные силы конницы Жлобы группировались в районе Моргенау – Александеркрон – Клефельд – Тигервейде – Фриденсдорф. Общая численность корпуса: 7500 шашек и 6000 пехоты и, кроме того, две кавалерийские дивизии об-

щей численностью в 4500 шашек и 1600 человек пехоты (на время операции «товарищу» Жлобе подчинялись: 2-я кавалерийская дивизия «товарища» Блинова, две конные бригады 40-й дивизии и части 42-й и 46-й стрелковых дивизий). Численность всех частей 13-й армии: 25 000 штыков и 12 000 шашек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.